

Марина Белова

Золото ночного Будапешта

Глава 1

Давно подмечено, перед тем как грянет буря, стихает ветер. Незадолго до цунами отступает море. Птицы и зверюшки перед землетрясением прячутся в укромные места. Алина Блинова, моя подруга и компаньонка, прежде чем выдать очередной гениальный проект, молчит. Недолго. Приблизительно полдня, может быть чуть дольше. Но и этих нескольких часов гробовой тишины мне достаточно, чтобы насторожиться, почувствовать приближение в отдельно взятом туристическом агентстве под названием «Пилигрим» и бури, и цунами, и землетрясения.

Как правило, выдача очередного гениального проекта происходит следующим образом. Алина сидит за своим рабочим столом, обхватив ладонями голову. Взгляд ее мутен. Лицо подобно гипсовой маске. Не дрожат ресницы. Дыхание почти не слышно. В восковых статуях больше жизни, чем в ней сейчас. Она не реагирует ни на что — ни на мои обращения к ней, ни на телефонные звонки, ни на вздохи нашей секретарши Алены, которая, будучи в курсе происходящего, постоянно то вбегает, то

выбегает из кабинета.

— Ну, как дела? — обычно спрашивает Алена, скосив глаза на мою компаньонку.

— Еще не родила, — отвечаю я, имея в виду очередной блиновский гениальный проект.

Через положенное время Блинова оживает.

— Эврика! Марина, на этом туре мы разбогатеем! — радостно вопит она, заглушая рев шумной улицы, которая расположена как раз за окном нашего кабинета. — Как же мне это раньше в голову не пришло? Мы бы уже давно стояли на одной ступеньке с Биллом Гейтсом. Султан Брунея был бы счастлив с нами познакомиться. А английская королева каждый вторник приглашала бы нас на чай.

— Почему вторник? — каждый раз удивляюсь я.

— Потому что понедельник — день тяжелый, а остальные дни у меня заняты: по средам я хожу в сауну, по четвергам чищу карму, пятница у меня отведена для визитов к родственникам. А субботу и воскресенье я провожу с семьей. Если ты не забыла, у меня есть муж и сын, которым нужна жена и мать. Но ради этого тура я готова пожертвовать всеми днями недели, вкупе с субботой и воскресением. Решено, первую группу туристов повезу я!

И так каждый раз. Надо сказать, изощренный

ум моей подруги выдает самые немислимые идеи, подчас сопряженные с опасностью для жизни наших клиентов. По возможности я стараюсь сдерживать ее творческие порывы. Не всегда это удается. И тогда, если не удастся убедить Алину отказаться от проекта на начальном этапе, я, ради сохранения жизни и здоровья наших клиентов, еду с ними.

Где мы только не были! И в Африке на сафари на диких антилоп. И в Англии общались с приведениями. И в Австралии дегустировали древесные личинки в компании аборигенов. Кстати сказать, белые древесные личинки — любимейшее блюдо коренного населения Австралии. Не буду врать, попробовать личинку я так и не смогла: уж больно противно она выглядит. О своих вкусовых ощущениях нам поведали мужчины нашей туристической группы, которые, прежде чем откусать сей деликатес, выпили без малого по стакану водки. Мне столько водки не выпить. С их слов, в сыром виде личинки напоминают масло, а в жареном — свинину.

Сегодня все шло по обычному сценарию: я читала вслух свежую газету, Алина меня не слышала.

— Надо же, только вчера открылась выставка «Золото скифов», а сегодня дают объявление, что вышла ошибка: экспонаты уже увезли в другой

город. А я хотела в субботу сводить Аню, чтобы та посмотрела на сокровища, пролежавшие в земле больше тысячи лет. Видела фотографии — завораживающая красота!

Алина промолчала, зато из зала обслуживания клиентов откликнулась Алена:

— Кража была в музее. Как раз эти самые золотые побрякушки стянули. Понятное дело, зал был на сигнализации, но она почему-то не сработала, и камеры слежения ничего не записали, как будто их кто-то заранее выключил. Ну а сторожа всю ночь преспокойно спали. Представляете? Когда утром музей открыли, в витринах золота уже не было. Менты не знают, с какой стороны подступиться к этому делу. Никаких следов.

— А ты откуда все знаешь? — крикнула я Алене. — В газете об ограблении ничего не напечатано.

— А у меня сосед в охране служит. Им такую взбучку устроили, — отозвалась Алена и вновь замолчала, вернувшись к работе.

Я продолжила чтение газеты.

— Марина, что же мы сидим? — разорвал тишину возбужденный Алинин голос.

От неожиданности я вздрогнула. Никогда прежде «гениальные» идеи так быстро не приходили в ее голову. Четыре часа — разве ж это

срок, для того чтобы осчастливить наших потенциальных клиентов новым проектом?

— А что нам делать? — застигнутая врасплох спросила я. Грешным делом я подумала, что Алина все же услышала наш разговор о скифском золоте и решила развить тему.

— Бежать! Лететь, мчаться! Мы и так уже опоздали! В Германию и в Австрию нам уже не успеть. Неделя — и там вода спадет. На оформление документов уйдет минимум две недели. Но, слава богу, еще остается Венгрия, Румыния. Что там мелкие речушки Германии? Дунай — вот это сила!

— Алина, ты о чем? — вот чего я не могу, так это сразу переключаться с одной темы на другую.

— Ну ты как с Луны свалилась! — возмутилась она. — Наводнение! Такого уже сто лет не было! Когда еще столько воды увидишь?!

— Ты это серьезно? — опешила я.

— Как никогда! Смотрела вчера новости? На сегодняшний день в Западной Европе полиэтиленовые мешки, песок и резиновые сапоги — самые ходовые товары. Все силы брошены на укрепление и сооружение дамб. Но прогнозы неутешительные. Такого половодья не выдержат никакие дамбы. Наводнение четырехлетней давности — детский лепет против ожидаемого наводнения.

— Ты хочешь повезти туристов посмотреть на наводнение? — уточнила я.

— Да, — Алина решительно кивнула головой. — В Венгрию или в Румынию. Лучше в Венгрию. Эта страна мне больше нравится.

— Но в этих странах, кажется, не сегодня так завтра введут чрезвычайное положение.

— Правильно. Когда еще наши туристы почувствуют на собственной шкуре такой экстрим?

— Н-да, — промычала я, с опаской поглядывая на Алину. Заработалась. Только большой мозг мог выдать подобную идею. — Алина, а если затопит гостиницу? Если наши туристы окажутся в плену у стихии? Если размочит железную дорогу? Если смочит взлетно-посадочную полосу?

— Я все продумала. Мы едем автобусом. Во-первых, автобус — сам по себе экстрим. Во-вторых, мы не будем привязаны ни к графику железной дороги, ни к графику аэропорта. Согласись, весьма удобно. В-третьих, таким образом, мы снизим стоимость наших путевок, а значит, автоматически увеличим число желающих. Схема такая: до границы с Венгрией едем на поезде, а потом пересеживаемся на автобус. Как тебе мой план? — спросила она.

Глядя в ее глаза, отсвечивающие сатанинским блеском, я ответила.

— Надеюсь, все смотрят программу «Новости». Только глухой и слепой не знает, что в Европе наводнение. Слава богу, такие люди не пользуются услугами нашего туристического агентства.

Алина сделала вид, будто меня не услышала. Она резко поднялась со своего места и сказала:

— Я побежала давать объявление.

Только камикадзе решится спорить с Алиной, когда та в состоянии боевой готовности. Именно боевой, потому что когда речь заходит о материальной выгоде, она готова биться до последнего вздоха.

Я промолчала, лишь махнула рукой, мол, иди и делай, что хочешь. «Надеюсь, дураков, готовых рискнуть своим здоровьем или даже жизнью окажется мало, и проект по причине отсутствия туристов заведомо станет провальным», — подумала я.

Алина выскользнула за дверь.

— Алена, — крикнула я в зал обслуживания клиентов.

В кабинет вошла секретарша:

— Звали, Марина Владимировна?

— Ты слышала, что предлагает Алина Николаевна? — спросила я. Впрочем, это и так было ясно. Алина так эмоционально излагала свои мысли, что ее слышно было и на улице.

— Ну да, в общем-то, — замялась девушка, как будто я ее застала за неприличным занятием. — Алина Николаевна так кричала. Только идея эта не новая.

— Как так? Что, еще нашлись головы, в которые пришла мысль заслать туристов в горячую точку? — хмыкнула я. — Неправильно выразилась, в холодную купель. Талые воды — это вам не парное молоко.

— Да. Буквально десять минут назад звонили наши конкуренты из «Омега-тура». Спрашивали, будем мы туристов в Венгрию везти. Они могут нам двух клиентов сбросить. У них одна группа уже набрана, а вторую они набирать не рассчитывали. Поэтому могут двух человек безвозмездно передать.

— А когда они собираются ехать в Венгрию?

— Через неделю. Визы сделают и повезут людей.

— А они в курсе, что там наводнение?

— Так они специально и везут туристов, чтобы те полюбовались на полноводный Дунай.

— Алена, или я чего-то не понимаю или мир перевернулся. Не думала, что народ в такой степени интересуют природные катаклизмы.

— Так это еще бабушка надвое сказала, может, Дунай не разольется, — пожала плечами Алена.

— Разольется, будь уверена, обязательно разольется. Если за дело берется Алина, то наводнения не миновать. Она всегда доводит дело до конца. Если пообещала туристам разлив, то разольет так, что мало не покажется! Однако, какой приткий Александр Максимович, хозяин «Омега-тура». Алину обскакал. То-то Алина огорчится, узнав, что ее опередили.

И точно, стоило мне намекнуть Алине, когда та вновь появилась в «Пилигриме», что не одной ей, единственной, пришло в голову свозить туристов полюбоваться на наводнение, как у нее сразу испортилось настроение. Вместо того чтобы похвалить в расторопности конкурента, она обвинила средства массовой информации в некачественном освещении событий.

— Эх, плохо работают наши информационные службы! Почему у нас всегда так: гром не грянет, мужик не крестится. Нет, чтобы загодя намекнуть: в этом году снега выпало много, значит, ждите наводнения, укрепляйте дома и дамбы. А что делают журналисты? Подождали, пока все затопило, и пустили в эфир устаревшую информацию. Кому она теперь нужна? Затопило Германию — неделю по телевизору крутят один и тот же ролик. Старик плывет по улицам города в резиновой лодке, а старуху вертолетом снимают с крыши дома.

— Что есть, то и передают. Раньше ты, Алина, на СМИ никогда не жаловалась.

— А теперь жалуюсь. Если бы оповестили заранее, бабушка не полезла бы на крышу, а преспокойно уехала на время наводнения к родственникам. Да и дед бы ноги не промочил, усаживаясь в лодку.

— Алина, ты не права.

— Да ты не оправдывай журналиюг. Им бы только тиснуть сенсацию. О людях они в последнюю очередь думают.

— А ты думаешь? — спросила я с вызовом.

— А как же! Конечно, думаю. Вдруг очередное наводнение будет только через сто лет? Вот астрономы хороши. У них на пятьдесят лет все расписано, где и когда можно посмотреть затмение солнца или хвост кометы Галлея наблюдать. Вот так надо работать нашим обозревателям, — скрипнула зубами Алина в адрес ни в чем не повинных журналистов.

— Алина, ты перегибаешь палку. Сама прекрасно знала, что зима в этом году выдалась чрезвычайно снежная. Когда-то же снег должен стаять? Апрель — самое время, чтобы снеговой шапке потечь, — сказала я. Алина лишь хмыкнула в ответ. — Признайся, ты злишься, оттого что Александр Максимович тебя опередил?

— Ну, злюсь. И что совсем уж обидно, мы

всегда возили туристов в Венгрию, Румынию, Польшу. А тут даже не вспомнили, — посетовала Алина.

— Возили, что правда, то правда. Только когда мы их возили? В летние месяцы. Этот маршрут у нас был задуман для родителей с детьми. Путевки недорогие, экскурсии интересные — почему же не съездить, не показать ребенку Европу?

— К слову, маршрут надо изменить, — Алина достала с полки путеводитель по Венгрии. — Два-три дня, так и быть, проведем в Будапеште.

— А потом повезем туристов на озеро Балатон?

— Что они там забыли?

— Ну летом же мы всегда их туда возим...

— Летом... — протянула Алина. — До лета еще дожить надо.

От ее слов у меня ёкнуло сердце. Мерзкое предчувствие заползло в душу. Я хотела было рассказать о своих ощущениях Алине, но она уже не обращала на меня внимание, вцепившись в телефонную трубку.

— Алло, Александр Максимович? И вы везете людей в Венгрию? Ну что вы! Мы давно разрабатываем эту идею. Наш секретарь была не в курсе. У нас даже группа почти набрана, — уверено соврала Алина. — А у вас полный комплект?

Поздравляю. Нет, объявление в газету мы не давали: хотели обойтись узким кругом знакомых. Вообще-то мы изначально настраивались на эксклюзивный тур, но потом то один клиент заболел, то второму в это время надо быть в другом месте. Видно, все же придется дать объявление в газете и заказать бегущую строку на телевидении. А позвольте полюбопытствовать, какой у вас маршрут?

Александр Максимович что-то говорил Алине. Я его голос слышать не могла. Алина плотно прижимала трубку к уху и громкую связь включать не собиралась. По мере того как наш конкурент вещал, ее лицо то прояснялось, то мрачнело.

— Значит, вы тоже везете туристов посмотреть на наводнение? Не бойтесь, что они ноги промочат? Или их водой смоеет? — спросила Алина, припомнив недавно произнесенные мною слова. — Взрослые люди, говорите. Подписку вам дают, что жаловаться не будут. Это хорошо, — процедила она сквозь зубы так, как будто на самом деле совсем даже не хорошо, а очень плохо. — Да, присылайте, конечно. Какой будет у нас маршрут? В каких-то местах мы с вами точно пересечемся, — пообещала Алина и положила трубку.

Было заметно, что разговор с Александром Максимовичем Калюжным ее сильно расстроил.

Некоторое время она не могла прийти в себя, лицо было ей не подвластно: ее ноздри раздувались как у строптивой кобылки, которой в первый раз надели сбрую, губы сжались с такой силой, что кожа побелела и на подбородке, глаза метали молнии в телефонный аппарат, словно тот был источником зла.

— Алина, да что, собственно, случилось? — спросила я, наблюдая, как моя подруга не находит себе места.

— Откуда взялся этот Калюжный со своим «Омега-туром»? Выскочка! Аферист! Хапуга! — прорвало Алину. — Оказывается, он уже две недели назад знал о наводнении. Все просчитал, гостиницу забронировал на тот случай, если вдруг всем приспичит посмотреть на разлившийся Дунай. Ненавижу! — заверещала она, топая ногами.

На ее крик и топот в кабинет влетела Алена.

— Случилось что? — она вопрошающе посмотрела на меня, сторонясь Алины. — Может чай заварить? Или кофе? Или пиццу заказать?

— Точно! Самое время нажраться с горя, — Алина так решительно кивнула головой, что у нее хрустнул позвоночник, и она застонала. — Кажется, я шею сломала.

— «Скорую» вызвать? — засуетилась Алена.

— Все в порядке, Алена, видишь, Алину Николаевну не парализовало, — успокоила я

девушку. — Иди, работай. К нам клиент зашел. — Выпроводив секретаршу, я обратилась к Алине: — Успокойся. Нельзя все так близко принимать к сердцу. Подумаешь, сегодня не ты первая. Кстати, мы вообще можем не браться за этот проект.

— Я уже оплатила рекламу, — после затяжного вздоха изрекла Алина. — Отступать поздно. Блиновы никогда не сдаются, они бьются за победу до конца! Ну и что, если Калюжный нас опередил. Он думает, что собрал все сливки? Как же! Да я такую рекламу зарядила, самый осторожный трус у меня поедет обязательно. Вот послушай, — Алина достала из сумочки сложенный вдвое листок, откашлялась и стала читать. — «Вас утомляют серые будни? Достали соседи и сослуживцы? Жизнь превратилась в черно-белое кино? Бросьте все! Станьте свидетелем самого сильного за последние сто лет наводнения. Вам повезло как никому другому. Такой шанс выпадает раз в сто лет! В ваших руках будущее Европы. Помогите братскому народу справиться со стихией», — с надрывом закончила читать Алина.

— Столько пафоса, — отметила я. — Только я не поняла, ты там что-то говорила о помощи...

— А как же! Во-первых, материальная помощь. Туризм статья прибыльная. Во-вторых, я планирую включить в плотный график поездки общественные работы.

— Наполнение песком мешков и укладывание их вдоль набережной? Не могу поверить.

— А хоть бы и так!

— А если люди не захотят?

— Я смогу их уговорить. За это не переживай. Поработают наши туристы час-другой, с них не убудет, зато потом не стыдно будет рассказать, как мы помогали бедным венграм. Обязательно снимем эту акцию на пленку. Так сказать, репортаж с места событий, помощь мирному населению от братьев по бывшему соцлагерю. Может даже, удастся выбить какую-нибудь благодарность от мэрии Будапешта. Мы ее в агентстве под стеклом повесим.

— Почти уговорила, — покачав головой, сказала. — Может, действительно рискнуть?

— Ты еще сомневаешься? — удивилась Алина. — По большому счету риск будет минимальный. Туристов мы поселим в Буде. Эту часть Будапешта никогда не заливают, потому что она расположена на холмах.

— Алина, а если вдруг наводнения не будет? — засомневалась я. — Вдруг удастся избежать наводнения?

— Исключено. Германия в воде по пояс. Австрия по колено. Да и Калюжный — мужик не промах. Я давно к нему присматриваюсь. Ничего просто так не делает. Если уж он объявил

наводнение, то, значит, его не избежать. Есть, конечно, подозрение, что оно будет не столь полноводным, как обещано, — Алина сморщила нос, — но и в этом случае я трагедии не вижу. Свозим туристов в излучину Дуная. Там вода всегда в апреле разливается, независимо от количества снега.

— Ладно, тогда давай маршрут набросаем, — предложила я. — Если ты рекламу уже сегодня зарядила, то уже завтра этим туром может кто-нибудь заинтересоваться.

— Обязательно заинтересуются. У меня предчувствие! Народ к нам повалит. А что касается маршрута, то особенно напрягаться не будем. После того как пересечем границу, заедем в город Мишколец, там искупаем наших туристов в уникальной купальне, построенной в подземных гротах горы Верхедь. Если ты помнишь, Венгрия буквально пронизана термальными источниками. Горячая вода бьет из-под земли. Повезло людям! Проблема горячего водоснабжения решена самой природой. А купальня в Мишкольце — это вообще чудо. Система гротов, световые эффекты, загадочность и таинственность. А вода! Искупаешься — десять лет как не бывало. Кстати там, в Мишкольце, мы можем встретиться с группой Калюжного. Он тоже первым пунктом своего маршрута поставил этот городок. Дальше мы

переезжаем в Будапешт. Сегодня же позвоню, забронирую гостиницу, — по ходу Алина отмечала в блокноте, что ей надо сделать. — Из Будапешта съездим в излучину Дуная. Посетим два миленьких городка Вышеград и Сендендре. Это недалеко, за день обернемся. Ну а потом будем прорываться на юг, вдоль Дуная. Будем надеяться, что нам повезет.

— Не поняла, повезет, в каком смысле? Если Дунай разольется, то и дорогу зальет. Мы не сможем проехать. Это как считать? Повезло или нет? — решила уточнить я. С одной стороны, в этом случае туристы меньше достопримечательностей увидят. А с другой — тур ведь экстремальный, как мы можем нести ответственность за природные катаклизмы?

— Ну, я сама еще не знаю, — замаялась Алина. — А чего ты к словам придираешься? У меня кредо — не думать наперед. Когда все идет экспромтом, намного лучше получается, чем когда каждый шаг планируешь загодя. Как будет, так и будет. Кстати, и туристов наших надо поставить в известность, что... — Алина задумалась, как правильно выразить свою мысль.

— Туристическое агентство никакой ответственности за них не несет? — пришла я ей на помощь.

— Нет, ну так прямо в лоб нельзя. Надо бы эту фразу как-то завуалировать. Но по сути все

верно.

— А тебе не пришло в голову заказать вездеходы? — начала я подтрунивать над подругой.

Алина мои слова приняла за чистую монету.

— Эх, жаль, что советские войска вышли из Венгрии, — с сожалением крикнула она. — Можно было бы по дружбе взять на прокат несколько таких машин.

— Алина, я пошутила, — призналась я, глядя на ее озабоченное лицо.

— Да-да, — задумчиво пробормотала она, — я подумаю над этим вопросом. Вряд ли Калюжный рискнет тронуться на юг.

Глава 2

В проеме дверей появилась Алена.

— Марина Владимировна, тут две женщины интересуются, набираем ли мы группу для поездки в Венгрию? — как-то уж неуверенно спросила она.

— Уже? Я и не думала, что проект так быстро заработает, — всплеснула руками Алина. — Наверное, эти женщины с телевидения или из газеты, в которой я заказала рекламу тура. Люди нутром чувят, куда надо ехать. Только те, что без воображения, сейчас рвутся в Египет или на Канарские острова. Что толку в том, что там сейчас тепло и море как парное молоко? Настоящих

искателей приключений тепло уже давно не прельщает. Им нужен кураж, выброс адреналина. Я правильно говорю, Марина? — Алина повернула ко мне счастливое лицо.

— Правильно, — вздохнув, ответила я.

— Так что женщинам сказать? — переспросила Алена, так и не поняв, о каком адреналине идет речь.

— Скажи, что группу мы набираем. Впрочем, я сама к ним выйду, — Алина поднялась и со счастливым выражением лица прошествовала в зал.

Я, чтобы ничего не упустить, переместилась к двери. Люблю смотреть, когда Алина в запале. Она с таким чувством обрабатывает клиентов, что те уже не сомневаются — ехать им просто необходимо, иначе жизнь пройдет мимо, и они себе этого никогда не простят.

Возле стола секретаря, переминаясь с ноги на ногу, стояли две женщины. Я сразу поняла — мать и дочь. Похожи они были невероятно, дочурка — копия мамы, только лет на двадцать моложе. Даже одеты они были одинаково: в мешковатые плащи серого цвета, скрывающие расплывшиеся фигуры, и полусапожки на устойчивых невысоких каблучках. У обеих на вокруг шеи шелковые шарфы: у матери белый с бахромой, у дочки сиреневый с тесненным орнаментом по краю.

— Вы из газеты? — спросила Алина, выходя к

женщинам с распростертыми объятиями.

— Нет, — насупилась мамаша, отступив на полшага назад. Алинин порыв ее отчего-то испугал.

— Тогда с телевидения? — продолжала угадывать моя компаньонка.

Не знаю, как ей такое могло прийти в голову. Сколько раз была в местной телекомпании, там такие дамочки не водятся. И вообще, меньше всего они походили на экстремалок, жаждущих приключений. Возможно, просто хотели посмотреть страну? Сейчас узнают о «запланированном» наводнении и откажутся?

— Мы от Александра Максимовича Калюжного, — прояснила ситуацию дочка. — Он дал нам ваш адрес. Сказал, что вы тоже группу в Венгрию набираете. У вас места есть?

— Есть, — сказала я и вышла из кабинета, про себя решив, что этот тур нельзя всецело и полностью доверять Алине. Чтобы скорее набрать группу, она навешает этим теткам лапши на уши и отошлет их смотреть на наводнение. А оно им вряд ли нужно. Приедут, посмотрят на бушующие воды Дуная, а потом всю дорогу будут жаловаться, почему не предупредили. И я сочла своим долгом вмешаться.

— Группа набирается и места, конечно, есть, но! Но ... как это сказать? — у этого тура не совсем экскурсионная программа. Вы, очевидно, в курсе,

что в Европе ожидается сильное наводнение. Собственно, многие страны уже терпят бедствие. Например, Германия, Австрия. Через неделю большая вода должна подойти к Венгрии. Ученые обещают, что это наводнение будет самым большим за последние сто лет. Давно так Дунай не разливался. Вот мы и решили, что непременно найдутся желающие посмотреть на полноводный Дунай.

— Про наводнение мы уже слышали, — сообщила нам «мамочка». — Вы нам скажите, когда вы выезжаете, и какие города вы намериваетесь посетить.

Я не успела опередить Алину. Она сделала шаг вперед и с пафосом сказала:

— У нас замечательный маршрут. Незабываемые места. Вы получите истинное удовольствие...

— А конкретнее можно? — оборвала Алинин поэтический порыв дочка.

— Конкретней? — опешила Алина. — Вот, пожалуйста, — она разложила перед посетительницами карту. — Вот здесь мы будем обязательно. А здесь, если позволят погодные условия.

Женщины переглянулись. Дочка наклонилась к матери и, кивнул головой, тихо сказала:

— В «Омега-тур» тоже упоминали эти города.

Плюс еще дни в Будапеште. Должно хватить.

— Если повезет. Боюсь сглазить, — прошептала мать.

— Мы согласны, — за двоих ответила дочь.

— Тогда вы должны оплатить вот эту сумму, — Алина написала на бумажке ряд цифр. Мне нужны ваши загранпаспорта и фотографии для визы. А, чуть не забыла, заполните вот эти анкеты.

Проводив посетительниц, я ради любопытства заглянула в анкеты. Так и есть, интуиция меня не подвела, с нами в Венгрию собирались ехать мать и дочь: Попкова Валентина Ивановна и Попкова Любовь Петровна. Мать звали Валентиной, а дочь — Любой.

— Странные тетки, правда? — спросила Алина, заглядывая мне через плечо. — Одна работает в ресторане, другая в универмаге. В загранпаспорте одни турецкие визы. У Валентины одна, у Любви целых четыре.

— Ничего странного. Дочка ведь в универмаге работает. Сама возит, сама и торгует. Меня другое удивляет.

— Зачем они в Венгрию метутся? — угадала мои мысли Алина.

— У нас не шоп-тур. Да и из Венгрии, что можно сейчас привезти, чего у нас нет?

— А если женщинам романтики захотелось? Ты такую мысль не допускаешь?

— Ты знаешь, ни та, ни другая не похожи на гимназисток, бредящих идеей «Увидеть Париж и умереть!». Да и на экстремалок мало смахивают.

— Тогда зачем они едут? — задумалась Алина.

— Ты слышала, о чем они между собой шептались? — спросила я. Алина мотнула головой. — Весьма странный разговор. Я поняла, что им нужно быть рядом с группой Калюжного.

— А почему у тебя такое испуганное лицо? Подумаешь! Тихо разговаривали! И что с того? — фыркнула Алина. Она большая любительница поспорить и никогда не упускает возможности мне возразить. — Почему они должны делиться с тобой своим личным? Логически рассуждая, я думаю, все было весьма просто: Попковы решили посетить Венгрию в компании. Их более расторопные подруги успели забить место в группе агентства «Омега — тур», а им мест уже не досталось. Они обратились к нам в надежде на то, что маршруты будут параллельные. Все? Теперь тебя ничто не смущает?

— Да меня и раньше ничто не смущало. Мало ли, зачем людям нужно в Венгрию? — скрив равнодушное лицо, ответила я.

— Вот и хорошо. Да не волнуйся ты так.

— Я волнуюсь?

— А то? На тебе лица нет. Все будет

хорошо, — принялась успокаивать меня Алина. — Обещаю, на разлив мы будем смотреть издалека. В воду я никому не разрешу заходить. Периодически туристов буду пересчитывать. Верну на Родину всех до единого, в целости и сохранности. Теперь твоя душа спокойна?

— Спокойна, ведь я еду с вами, — огорошила я ее.

— С нами?! С какой стати? Ты мне не доверяешь? — Алина свела брови на переносице и с вызовом посмотрела на меня.

Признаться и обидеть ее недоверием я не могла, потому пришлось солгать. Впрочем, отчасти мои слова не были ложью:

— Интересная ты какая! Значит, тебе хочется посмотреть на наводнение, а мне нет? Я не черепаха, чтобы рассчитывать на долгую жизнь длиной в два века. Сама говорила, что нашим современникам жутко повезло. Возможно, очередное такое наводнение будет только через сто лет, а может, вообще не будет.

— Твое право, — она сочла мое желание ехать вполне обоснованным и спорить не стала: целесообразно ли отправлять с группой двух руководителей.

Вечером, за ужином, я сообщила семье, что скорей всего через неделю уеду в Венгрию. Олег, мой муж, отнесся к сообщению весьма спокойно —

я как глава туристического агентства часто в разъездах. Зато Анютиным возмущениям не было конца:

— Спасибо, мамочка. Каникулы я просидела дома: видите ли, некуда было поехать. В Европе холодно. В Египет ты меня везти отказалась. Из холода в жару ехать — подрывать иммунитет. Здоровье беречь надо смолоду. Так ты говорила? А теперь, когда каникулы закончились, ты нас с папой бросаешь и едешь в Венгрию? Где справедливость?

— В жизни, дочка, вообще нет справедливости, — философски заметил Олег.

Анюта не отреагировала на его слова и продолжала бурчать:

— Наверняка ты с тетей Алиной едешь. Угадала? Угадала. А мы с Санькой как рыжие будем ходить в школу? Заманчивая перспектива.

— Деточка, вот когда я был пионером, — подзуживал мой муж, — у нас в школе висел плакат «Учиться, учиться и еще раз учиться. В.И. Ленин». Лучше не скажешь.

— Кому лучше? Мне? Вот Лельке Ерохиной повезло так повезло! Ее мама работает в торговом представительстве какой-то фирмы. Она ее везде с собой таскает. Лелька всю Европу объездила, в Китае была, а теперь в Таиланд собирается. Во!

— Аня, это вынужденная мера. У Лели нет папы, нет бабушек и дедушек. Ее просто не с кем

оставить. А у тебя, к счастью, полный набор родственников.

— Толку с того набора? У бабушек от меня гипертония, а у папы постоянные деловые встречи и совещания. В итоге я одна сижу дома. Где справедливость? — в очередной раз спросила Аня, возводя глаза горе.

— Аня, я тебя не могу с собой взять, — тихо, но достаточно жестко сказала я. — Во-первых, ты пропустишь занятия. А во-вторых, в Венгрии в этом году ожидают сильный паводок. Ты ведь не хочешь неделю просидеть в гостинице?

— А что такое паводок? Ты не перепутала ударения?

— Нет. Паводок — это наводнение, а не собачий поводок, — стараясь быть спокойной, ответила я, подозревая, что дочь просто подшучивает надо мной.

— Класс! — воскликнула Аня. — Наводнение! Это клёво!

— Если там ожидается сильное наводнение, зачем вы туда едете? — насторожился Олег.

«Нормальному человеку в логике не откажешь», — подумала я.

— Олег, это тур для экстремалов. Дешево и сердито.

— Алина придумала? — догадался Олег, не понаслышке зная о том, какие бредовые идеи

подчас приходят в голову моей подруге.

— Увы, нет. Мы немного опоздали. Наши конкуренты уже неделю набирают группы желающих посмотреть на наводнение в Европе.

— Как это вы опоздали? — хмыкнул Олег. — Что ж, езжайте, только смотрите, чтобы потом не пришлось вывеску менять.

— Какую вывеску? — я не сразу поняла, что он так шутит, и спросила вполне серьезно.

— Представь, вместо вывески «Пилигрим» будет висеть вывеска «Туристическое агентство «Несчастный случай». Нормально?

— Типун тебе на язык!

— Нет, я к тому, чтобы вас не смыло.

— И правда, мама, мне как-то уже не хочется ехать в Венгрию. Я лучше в школу пойду. Учиться, учиться и учиться, — успокоилась моя дочь.

Глава 3

На удивление, желающих посмотреть на наводнение оказалось достаточно много. Нам понадобилось всего три дня, чтобы скомплектовать группу. В большинстве своем она состояла из женщин и детей. Мы с Алиной даже пожалели, что не взяли с собой Аню и Саньку — вот бы те обрадовались! Мужчин всего было шесть: пять при женах и один сам по себе.

Когда я просматривала список туристов, то сразу обратила внимание на этого мужчину, который ехал без жены и компании. Антон Левицкий, сорок лет, место работы — стоматология.

— Алина, у нас проблема.

— Что случилось?

— Ничего не случилось просто, когда в группе мужчина или женщина остается без пары, возникают проблемы с поселением. Мы-то заказываем двухместные и трехместные номера. И соответственно в стоимость тура закладываем оплату не за одноместный номер, а за место в двухместном номере. Одиночку приходится селить либо к чужим людям, либо требовать с него или с нее доплату за одноместный номер. Не всякий турист соглашается с нашими предложениями.

— Думаешь, этот Левицкий не захочет доплачивать?

— Не знаю, — я пожала плечами и вдруг кое-что вспомнила. — Слушай, Алина, может, предложим Воронкову в Венгрию смотаться? Он, кажется, об отпуске поговаривал.

— Нужен он тебе в Венгрии? — недовольно фыркнула Алина.

Воронков Сергей Петрович работает в полиции. Мы знакомы с ним очень давно. Затрудняюсь охарактеризовать наши отношения: то

они теплые и приятельские, то дают трещину. Сергей Петрович в силу своей профессии расследует разные преступления, а мы, чего греха таить, частенько попадаем в истории, в которых фигурируют его подопечные, другими словами — преступники. Оговорюсь, ни я, ни Алина никакого отношения к криминалу не имеем. Мы убежденно законопослушные гражданки, но так складываются обстоятельства, что кто-то часто нуждается в нашей помощи. Вот тут-то наши пути с Воронковым пересекаются, и он отчего-то злится.

— И все-таки я ему позвоню, — сказала я Алине, имея в виду Воронкова.

— Звони.

— Сергей Петрович, Марина Клюквина вас беспокоит. У нас тут поездка вырисовывается. Из недорогих. На неделю в Венгрию. Поедете? Специально для вас место держим.

— Некогда, — недослушав меня, отрывисто пробурчал Воронков. — Отпуск отменяется, когда смогу поехать, не знаю. Все, пока, не до вас, — и положил трубку.

— И что? — спросила Алина, взглядываясь в мое растерянное лицо.

— Сказал, что ему сейчас некогда.

— Я даже рада. Ментов с собой возить — беду кликать, — выдала новый афоризм Алина. С ее языка часто слетают «крылатые» фразы.

В назначенный день мы собрались в зале ожидания на железнодорожном вокзале, чтобы сесть в поезд, доехать до границы, а затем пересесть на автобус.

— О! Смотри! Калюжный Александр Максимович! — воскликнула Алина, увидев нашего главного конкурента с плакатом «Омега-тур» в руках.

Несколько в стороне от Калюжного стояли люди с фирменными конвертами «Омега-тур». По этим конвертам я смогла сообразить, что это и есть группа Калюжного.

Как же его люди отличались от наших!

Если у нас были сплошь и рядом женщины с детьми, то в группе «Омега-тур» мужчин было приблизительно столько же, сколько и женщин. Все мужчины весьма респектабельно выглядели. Если судить по дорожным сумкам — а я могу отличить кожу верблюда от кожзама, — то дяденьки на дорожных аксессуарах не сэкономили. Да и женщины были им подстать: выглядели так, будто решили ехать не в Венгрию смотреть на наводнение, а в Монако. Несмотря на то, что за окнами набирала силу весна, две дамочки стояли в шубках. Одна даже умудрилась обвязаться с головы до ног шарфом, который был связан из тонко нарезанных норковых полосок.

Как я могла догадаться, супружеских пар в

группе Калюжного не было. Мужчины и женщины стояли особняком, исподтишка рассматривая друг друга.

— А что за группу набрал Калюжный? Обычно в Венгрию люди попроще едут. С визами проблем никогда нет. Цены на путевки невысокие. Тур для среднего потребителя, каждый может себе позволить, — Алина оглянулась на наших мамаш с детками и снова уперлась взглядом на окружение Александра Максимовича. — А здесь, если судить по их виду, сплошные президенты банков и олигархи. Неужели все дело в наводнении и удачной рекламе? Правильно. Такое раз в сто лет бывает. Говорила я тебе, что цену на путевки надо делать выше. Богач на дешевку не купится! А Калюжный! Смотри, каким франтом выглядит! Неужели сам везет группу? Что-то не вижу я его барышень из агентства.

— А что тебя удивляет? — спросила я. — Тоже хочет посмотреть на наводнение. Мы же едем.

— Да-да. Кажется, он направляется к нам, — кивнула Алина и громко поздоровалась. — Здравствуйте, Александр Максимович.

Калюжный с плакатом подошел к нам.

— Надо же, какая встреча! Не думал, что вы так быстро наберете группу.

— При правильной постановке дела, — хмыкнула Алина, — раз плюнуть.

Профессионализм, помноженный на трудолюбие, всегда дает положительные результаты. Как видите, наша группа почти в полном составе. Ждем детей, которые побежали в туалет, и идем к поезду на посадку.

— А у меня еще шестеро опаздывают, — пожаловался Александр Максимович.

— Советую вам, сразу позаботиться о дисциплине. Иначе группа разбредется, потом не соберешь, — поделилась своим опытом Алина.

Она действительно каждый раз перед началом путешествия на организационном собрании страшит группу: кто опоздает, того ждать не будут, уедут без него. В итоге получается так: группа, боясь опоздать, собирается за пять минут до намеченного срока, а потом долго ждет Алину, поскольку требование быть пунктуальным на нее не распространяется. Трудно представить, как бы уехала группа без своего руководителя, у которого в сумочке лежат билеты на обратную дорогу, страховки и вообще только он знает, куда ехать. Вот этой привилегией Алина и пользуется — без зазрения совести.

— Вы сразу в Будапешт? — просила я.

— Нет, сначала заедем в Мишкольц. Вы бывали в купальнях Мишкольца?

Мы с Алиной кивнули.

На горизонте забрезжил силуэт высокого

мужчины в кожаном пальто.

— Простите, это мой турист, встретимся в Венгрии, — простился с нами Калюжный и пошел навстречу мужчине.

Алина проводила его взглядом, потом толкнула меня в бок.

— Знаешь, кто это?

— Кто? — спросила я. Мужчину я видела впервые.

— Да уж не конь в пальто! Это Кузьма Курков. Концерт «Интерсталь». Состояние в несколько миллиардов долларов.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я Алининой осведомленности.

— Газеты надо читать. На сегодняшний день самый выгодный жених города.

«Ага, теперь понятно, откуда у Алины такие сведения. Наша местная «желтая» газетенка регулярно публикует список самых денежных женихов и невест. У Алины эта газета постоянно на столе валяется, — припомнила я. — Только зачем она ей? С мужем Алина разводиться не собирается».

— Да он вроде бы в годах. Уже не мальчик. С такими деньгами и не женат? — засомневалась я в Куркове.

— Несколько лет назад его жена погибла при взрыве яхты. Ни кусочка от женщины не осталось.

Такую смерть никому не пожелаешь, — вздохнула Алина. — Теперь он вдовец, весьма перспективный. И почти нестарый. Ему и пятидесяти нет. Интересный, правда?

— Да, в общем-то да, — согласилась я, рассматривая Кузьму Куркова. — Не лысый, не толстый и ростом бог не обидел.

— Да еще с приданным. Как это его до сих пор никто не захомотал? — удивилась Алина.

Курков получил из рук Александра Максимовича фирменный конверт и отошел в сторону. Затем он достал из бокового кармана чемодана газету и стал ее читать, не обращая никакого внимания на посыпавшиеся на него со всех сторон заинтересованные женские взгляды.

— Как же они бесстыдно его разглядывают, — отметила Алина. — Я говорю о женщинах группы Калюжного, — уточнила она.

— Так же, как и ты, — справедливости ради, сказала я. — Хватит пялиться на Куркова.

— Я туда и не смотрю, — обиженно отозвалась Алина.

Чтобы она действительно не смотрела в ту сторону, я загородила Куркова спиной.

В поле моего зрения попали мать и дочь Попковы. Валентина близоруко щурилась на семейную пару, стоящую в десяти метрах от нас. Кстати, мужчина и женщина были из нашей

группы. Я их хорошо запомнила. Тур в Венгрию им подарили дети по случаю серебряной свадьбы родителей. Мужчину звали Анатолием, а женщину Аллой. Он был жгучим брюнетом, которому неимоверно шла бородашка клинышком. Она гордо несла на голове густые светло-русые волосы, волнами спадающие на плечи. Мне сразу понравилась пара, с того самого момента, как они вошли в «Пилигрим», трогательно держась за руки. Она называла его Толюся, он ее — Алюся.

«А фамилия их, кажется, Трофимовы», — моя память подобно компьютеру выдала нужную информацию.

— Люба, это он? — донеслись до меня слова Валентины Попковой, обращенные к дочери. — Уже бабу подцепил! Кобель шелудивый!

— Да ты что, мама! Это не он. Хотя похож, сволочь, будто брат родной, — сквозь зубы процедила Люба. — Такой же чернявый, с бородой. Тоже небось бриться лень.

Справедливости ради надо отметить, в нашей группе из шестерых мужчин с усами и бородой было четверо. Сама удивилась, когда увидела такое количество бородачей.

— А наш-то, где?

— А вон, стенку подпирает. Пока один. Ты, мама, пока не выпячивайся. Незачем нам на себя внимание обращать. Мы его врасплох застукаем на

горяченьком. Ой, у тебя парик набок сбился.

— Правильно, доча. Он еще нас узнает, — с угрозой произнесла Валентина, поправляя рыжий парик на голове.

Я не удержалась, чтобы не обернуться.

«Кого это они сравнивали с Анатолием? Чем, интересно, насолил им мужчина похожий на Толюсика?» — спросила я у себя.

У стены стоял мужчина лет пятидесяти, среднего роста, подтянутый. Надо отметить, весьма интересный. Не обращая ни на кого внимания, он изучал содержимое конверта «Омега-тур».

— Что у него общего с Попковыми? — недоуменно спросила Алина, смотря в ту же сторону, что и я. — Очень похож на профессора Филонова, с которым тесно сотрудничает мой муж. Просто копия!

— Наверное, бороды одинаковые, оттого и похож. Всегда так, когда в первый раз видишь человека, то с кем-то сравниваешь. Находишь отличительную черту — в данном случае борода — и по ней ориентируешься.

— Верно, — согласилась со мной Алина. — А он пользуется успехом! Видишь, женщина бросает откровенные взгляды на профессора? — Алина с ходу присвоила мужчине прозвище «профессор». В дальнейшем мы часто его так называли.

— Какая женщина? — я обвела взглядом

толпу.

— В метрах трех от него стоит дама. Двойник Мирей Матье. Прическа — один к одному. Ничего себе дамочка. По всему видно, она из тех, кто любит коллекционировать мужей. Точно, уже идет знакомиться, — зашептала Алина, толкая меня в бок.

Женщина неуклюже подталкивала свой чемодан к профессору. Дотолкав свой баул, она беспомощно пожала плечами и, кокетливо щурясь, сказала:

— Мужчина, мы, кажется, в одной группе. Я смотрю, у вас мало вещей. Не поможете ли мне сесть в поезд? Я бы и сама чемодан свой довезла, да ручка почему-то не вытаскивается. Меня, между прочим, зовут Вероника. Можно просто Ника, — улыбаясь, представилась женщина.

Профессор заинтересовано посмотрел на Нику.

— Василий Петрович Муромский. Можно просто Василий.

— У вас такая красивая фамилия, — сладко вздохнула Ника.

— Так, посмотрим, что у вас с чемоданчиком, — смутился Муромский под жарким взглядом Вероники и стал с усердием тащить из чемодана ручку.

Должно быть, рывок был слишком сильным,

ручка вылетела из чемодана вместе с конструкцией.

— Я вам сломал чемодан, — расстроился Муромский.

— Пустое. Я же говорила, что с ним не все в порядке. Но раз вы уж мне его сломали окончательно, обещайте помогать мне с этим злополучным баулом, — предложила Вероника.

Я подумала, что ручка изначально была сломана. Алине в голову пришла та же мысль:

— Она же клеит его! Ручка лишь удобный повод познакомиться! Видала? Ловко. Еще к поезду не успела выйти, а уже носильщиком обзавелась. Сразу видно, что дамочка — пиранья! Ну и группка у нашего коллеги.

— Алина, перестань, — одернула я ее. — Не хватало, чтобы ты обсуждала чужую группу.

— Все правильно, — отошла Алина. — У меня будет повод присмотреться к нашим туристам. Одни Попковы чего стоят.

— Кстати, наша группа в сборе? — спохватилась я.

— Да, дети уже вернулись. Это у Калюжного проблемы. Видишь, как он нервничает? На часы поглядывает. Не завидую ему: с элитной публикой всегда все не слава богу.

— Алина, пошли на посадку, как бы самим не опоздать.

Послушав меня, Алина громко объявила

группе, что пора садиться в вагоны, согласно розданным билетам. Так началось наше путешествие.

Глава 4

Стоя на перроне, Алина сетовала на свое невезение.

— Вот почему группа Калюжного едет в одном вагоне, а наши туристы разбросаны по трем вагонам? Пока мы их в Чопе соберем, Калюжный уже границу пересечет.

— Алина, Калюжный заказал своим туристам СВ, а мы едем в обычном купированном вагоне. Понятное дело, что более дешевые билеты сложнее купить, потому нам и собирали места по всему составу. Зря ты так расстраиваешься. Главное, чтобы пропускной пункт на границе не был загруженным.

— Калюжный едет в СВ? — воскликнула Алина. — Хотя чему я удивляюсь? Не поедет же Кузьма Курков в общем вагоне? Я не удивлюсь, если у него отдельное купе.

— Алина, не завидуй. Сама видела, какая у него группа. С ней хлопот не оберешься. Моли бога, чтобы нам повезло с группой.

Когда мы вошли в купе, Алина сразу поняла, насколько я была права.

Нашими попутчиками оказались мужчина и женщина. Оба были членами нашей группы. Алина специально не стала селить в наше купе мамашу с ребенком. Дети иной раз капризничают, а Алина хотела ехать с комфортом, и потому остановила свой выбор на единственном свободном в группе мужчине Антоне Левицком и даме средних лет Лидии Востриковой. Оба — и Левицкий, и Вострикова — ехали без пары, казалось, сама судьба должна была их свести в нашей поездке. Увы, более не подходящих друг другу людей я не встречала. По анкетным данным они были одного возраста, но рядом смотрелись как сын и мать. Низкорослый и мелкокостный Левицкий в свои сорок с небольшим лет выглядел юношей-студентом. Вострикова производила впечатление старой девы, у которой одна радость в жизни — плотно наесться на ночь. При этом дама отправилась в путешествие явно нездоровой. Войдя в купе, она выложила на стол упаковку бумажных носовых платков, аэрозоль для горла и потребовала уступить ей нижнюю полку. Потом она выставила нас в коридор и переодевалась в закрытом купе так долго, что я грешным делом решила, что наша попутчица отдала богу душу. Когда нам вновь было разрешено войти в купе, мы застали даму в разложенной постели.

Левицкий присел на нашу с Алиной полку,

боязливо посмотрел на Вострикову и предложил:

— Может, выпьем? У меня коньяк есть. Хороший. СВ.

— СВ? — удивилась Алина. — Знаю, на коньяке проставляют звездочки. Чем больше звездочек, тем лучше. Есть КВВК. Что значит, коньяк выдержанный высшего качества. А как расшифровывается СВ?

— Свежеворованный, — пошутил Антон. — Я работаю стоматологом. Мне часто в качестве презентов алкаголь приносят. Вот, один клиент, главный бухгалтер винзавода, презентовал. Хороший коньяк, попробуйте?

— Предупреждаю, — отозвалась со своей полки Вострикова, — пьянства не потерплю! У меня хронический бронхит. От винных паров я задыхаюсь. А еще вы напьетесь и будете всю ночь храпеть.

— Я не храплю, — обиделась Алина, которая противной Востриковой уступила свою нижнюю полку.

— Да как мы можем напиться с такой маленькой бутылочки? — Левицкий достал из своей сумки плоскую двухсотпятидесятиграммовую фляжку.

— Конечно, вам этого не хватит, — хмыкнула лежащая. — Ресторан через вагон, туда побежите. Знаю я вас, пьющих.

— Да как вы нас можете знать, если мы вас второй раз в жизни видим, — возмутилась я наглости Востриковой. — Я себя алкоголиком не считаю. Подруга моя тоже не любительница выпить. Антон свои руки бережет. Где вы видели стоматолога с дрожащими руками?

— А это что?! — Вострикова приподнялась от подушки и приоткрыла рот.

От неожиданности я и Алина ойкнули. Половина зубов во рту Востриковой отсутствовала. Оставшиеся зубы были сточены до иголочек. Левицкий ухмыльнулся и сказал:

— Полно нас своим ртом пугать. Протез одеть забыли?

Лидия захлопнула свой рот и отвернулась к стенке.

— Наливай, — скомандовала Алина.

Вострикова молча заерзала на своей полке.

Мы выпили по рюмочке. Разговор не клеился. Настроение было изрядно подпорчено соседкой по купе.

— Будете еще? — спросил Левицкий, показывая глазами на фляжку.

— Нет, спасибо, — отказалась я.

Алина мотнула головой и вышла из купе.

— А я выпью, — Антон приложился к фляге, потом резко поднялся, закинул сумку на верхнюю полку и следом за ней полез сам. Через минуту он

уже храпел.

— Вот видите, что и требовалось доказать, — злорадно сказала Вострикова. — А мне всю ночь теперь не спать. У меня, между прочим, хроническая бессонница.

— Надо же, чего у вас только нет. А еще нестарая женщина, — буркнула я и вышла к Алине в коридор.

— Не выдержала? — сочувственно спросила Алина. — А нам ее еще десять дней терпеть. Схожу к Калюжному, посмотрю, как он устроился, — сказала она.

Возвращаться в купе я не спешила — сомнительное удовольствие находиться в компании Востриковой, которая, заглушая храп Левицкого, попеременно то сморкалась, то кашляла.

Вернулась Алина в еще более расстроенных чувствах, чем я ожидала.

— Что ты нос повесила?

— Мало того, что у них СВ, так еще вагон новенький. С телевизорами в купе и табло, на котором отсвечивается, свободен ли туалет. Обидно, а мы трясемся в старом вагоне, — Алина поддела носком туфли старенькое полотенце, раскатанное поверх еще более старой ковровой дорожки. — А разве я не могла заказать СВ?

— Тогда и цена путевок была значительно дороже, — пожалала я плечами.

— Но и публика у нас в группе была бы другая, — Алина понизила голос до шепота и многозначительно посмотрела на дверь в купе, из-за которой доносился хриплый кашель Востриковой. — Скорей бы уже в Чоп приехать. На обратном пути ни за что не поеду с этой дамой в одном купе.

Увы, на этом наши неприятности не закончились. Вечером, когда мы уже собирались лечь спать, в купе постучали. Я открыла дверь. Передо мной стояли наш проводник и толстяк, облаченный в форму железнодорожника. К карману форменной сорочки толстяка была прикреплена табличка «Начальник поезда. Фатюшин Владимир Егорович». Чуть в стороне от Фатюшина переминались с ноги на ногу мать и дочь Попковы, за ними маячил еще один проводник, очевидно, перекрывающий им путь к бегству.

— Она? — Фатюшин тыкнул в меня пальцем и оглянулся на Попковых.

— Она, она, — закивали головами те.

— Это ваши туристы? — строго спросил у меня начальник поезда, мотнув головой в сторону Попковых.

— Да, а что случилось? — напряглась я.

— Билеты у них есть?

— Конечно, — ответила я и вдруг насторожилась, почему он об этом спрашивает.

Неужели дамочки потеряли свои билеты? Тогда придется покупать новые. Ведь никому не докажешь, что билеты были. Стараясь выглядеть спокойной, я спросила: — Валентина, Люба, Алина Николаевна вам отдала билеты, где они?

— В купе лежат, — ответила Люба.

— В каком вагоне ваше купе?

— В седьмом, — протянула Валентина.

— Если у них есть билеты в седьмой вагон, то почему они околачиваются в тамбуре четырнадцатого вагона? — полюбопытствовал Фатюшин.

— Мы в вагон-ресторан шли. А что, нельзя? — с вызовом сказала Люба.

— Ресторан находится между восьмым и девятым вагоном. Ваше купе в седьмом. Вы стояли без билетов в четырнадцатом. Что вы там делали?

— А почему вы нас допрашиваете? — взвизгнула Валентина.

— Потому что в четырнадцатом вагоне у нас VIP-персоны ездят, и каждую неделю кого-то из пассажиров обворовывают. Мне разборки с транспортной полицией уже вот где, — Фатюшин провел ребром ладони по горлу. — Быстро признавайтесь, купе обчистить хотели?

— Мы не воровки, честное слово, — поторопилась заверить начальника поезда Валентина Попкова. — Что делали в

четырнадцатом вагоне? Мы искали наших руководителей группы, а там, в тамбуре четырнадцатого вагона, просто остановились покурить.

— Да? — Фатюшин почесал в затылке.

— Правда, — Люба сложила губы так, будто собиралась заплакать.

Должно быть, начальник поезда был человеком жалостливым, если поверил Попковым на слово. Лично мне показалось объяснение Валентины по меньшей мере нелогичным. Перед тем как всем раздать билеты, Алина громко назвала вагон и номер купе, в котором в случае чего нас надо искать, и возле какого вагона всем встречаться, когда мы приедем в Чоп. Не услышать громкий Алинин голос Попковы не могли. Тогда почему Валентина и Любовь искали нас не в десятом вагоне, как было сказано, а в четырнадцатом? Непонятно.

Чтобы не навлечь на нашу группу лишние неприятности, я не стала высказывать свои сомнения при Фатюшине. А тот и рад был поскорее избавиться от потерявших свой вагон пассажиров.

— Ну ладно, не шатайтесь без толку по поезду, — он выразительно посмотрел на меня. — Передаю ваших туристов на поруки, помните, вы несете за них ответственность. А я пошел, у меня и без них дел невпроворот. Ой, что же я стою? Мы же

к станции подъезжаем.

— Не торопитесь, Владимир Егорович, все равно не успеете, — сказал проводник нашего вагона. — Стоянка поезда две минуты. Пока дойдете до своего вагона, он уже уедет.

— Все равно надо быть на месте, мало ли что еще может случиться. А ты тут бди, чтоб все было путем, — высказав нашему проводнику напутствие, Фатюшин тронулся в обратный путь.

— Мы тоже пойдем, — Люба подтолкнула мать в другую сторону, опасаясь, что я сейчас начну выпытывать у них правду.

Поезд сбавил ход, потом остановился, и через минуту вновь тронулся. За окном осталась маленькая станция, название которой я прочитать не успела.

— Ты спишь? — спросила я у Алины, закрывая дверь в купе.

— Уснешь, как же, — отозвалась с верхней полки Алины. — Ох уж эти Попковы! А все же, что они забыли в четырнадцатом вагоне?

Я не успела ответить, хотя кое-какие предположения у меня на этот счет были, как поезд резко дернулся в обратную сторону. Алина, которая лежала по ходу движения, покатила по инерции и упала на меня. Если бы не я, она бы рухнула вниз. Не выдержав ее веса, я зашаталась и упала на полку Востриковой, то есть на самую Вострикову.

Какое-то время в нашем купе было тихо, хотя из коридора доносились крики и стоны. Я испугалась, что своим весом, утяжеленным весом Алины, раздавила Лидию, но вскоре она подала голос.

Я подпрыгнула так, будто подо мной оглушительно взревела паровозная сирена.

— Что вы себе позволяете? Вы уселись на мой бронхит! Вы защемили мою язву! Вы сломали мой остеохондроз! — завопила Вострикова, перекрикивая детский рев из соседнего купе.

Минут пять она перечисляла свои болячки, кричала, что я сделала из нее инвалида и посему она по приезду отдаст меня под суд. А я с перепугу продолжала на ней сидеть, удерживая на руках Алину, которая была безмерно счастлива, что при падении не раскроила свою голову о край стола.

Вдруг Вострикова притихла, и из-под меня послышался хрип:

— Я голос сорвала. Когда же вы с меня слезете?

Как ни странно, этот тихий и беспомощный хрип привел меня в чувство: я столкнула с себя Алину и вскочила с Востриковой.

— Лидия, с вами все в порядке? — участливо спросила я.

— Вы издеваетесь? — прохрипела она. — Мне надо на шею надеть жесткий травматический

воротник. Возможно, у меня смещены шейные позвонки. Теперь вы меня должны катать на инвалидной коляске. Позаботьтесь, чтобы в Чопе на перроне стояла коляска.

— Но я же упала на ваш живот, — напомнила я, страшно сожалея, почему меня не занесло на шею Востриковой, или хотя бы, на худой конец, я не села на рот вредной туристки.

— Лидия, вы же трезвая женщина, — взяла слово Алина, — вы должны понимать...

— Понятное дело, я не глушу коньяк бутылками, — перебила ее Вострикова.

— Я хотела сказать, — продолжила Алина. — Марина не виновата. Кто-то дернул стоп-кран, вот она и не удержалась на ногах. А коньяка мы выпили совсем немножко.

— Я что-то пропустил? — спросил Антон Левицкий, свисая со своей верхней полки. — Сплю, вдруг слышу, поезд остановился, все кричат.

Мы с Алиной одновременно подняли на него головы. Вострикова уже пять минут надрывается, а он только сейчас проснулся. Ну и сон у парня!

Не успели мы ничего объяснить Антону, как дверь в купе отлетела в сторону. Весь дверной проем заняла внушительная фигура начальника поезда Фатюшина. Выражение его лица не обещало нам ничего хорошего.

— Ваша туристка? — он выволок из-за спины

Аллу Трофимову и втокнул в наше купе.

— Да, а что случилось? — испугано спросила я, глядя на мертвецки бледное лицо женщины.

— Хулиганит! Стоп-кран срывает!

— Я не хулиганила, — стала оправдываться

Алла. — Я думала, что Толюсик отстал.

— Ребенок? — уточнил Фатюшин.

— Нет, дети у меня взрослые. Толюсик — мой муж.

— Муж — ребенок? — не понял начальник поезда.

— Ну почему? Просто я его так называю. Он очень хороший, правда. Мы сидели в купе, болтали с попутчицей. Было очень жарко, просто как летом.

— Положено топить — вот мы и топим. Мы на пассажирах не экономим, — доложил Фатюшин.

— Я ничего, я не против, — замотала головой Алла. — Я только сказала, что, мол, не отказалась бы сейчас от мороженого. Толюсик поднялся и вышел. А потом поезд остановился на станции и сразу поехал. Я подумала, что Толюсик не успел добежать до ларька с мороженым и отстал от поезда. Вот я и дернула стоп-кран.

— Так он действительно отстал? — заволновалась Алина. Потеря туриста чревата неприятностями.хлопот не оберешься, разыскивая его на станциях. Хорошо, если линейная полиция нормально отнесется к отставшему от поезда, а

если нет?

— Нет, — всхлипнула Алла. — Когда поезд остановился, из тамбура вышел Толюсик. Он, оказывается, в вагон-ресторан бегал за мороженым.

— Необоснованное пользование стоп-краном наказывается штрафом в размере десяти минимальных зарплат, — сообщил начальник поезда.

— Но я-то не знала!

— А кого это волнует? Знаете, сколько пассажиров попадало с верхних полок? Молитесь, чтобы ни у кого серьезных травм не было. Иначе вам придется оплачивать их лечение.

— Вот это правильно, — вновь обрела голос Вострикова. — За все надо платить! Особенно за ущерб, нанесенный здоровью. В результате падения на меня вот этой гражданки, — она тыкнула пальцем в Алину, — у меня сместилось два грудных позвонка, ушла вправо левая почка и ущемилась грыжа.

— А вы что врач, что так скоро себе диагнозы ставите?! — хмыкнула Алина. В эту минуту она готова была выкинуть Вострикову с поезда, настолько она ей была ненавистна.

— Нет, — гордо ответила Лидия, — но я долго лечусь, и посему сама знаю, что и отчего у меня болит. А от вашего падения на меня у меня болит все! В Чоп вы меня можете не довезти, —

пригрозила она.

Фатюшин опасливо посмотрел на пассажирку, не хватало, чтобы в поезде кто-то умер. Зато Алина не растерялась и ляпнула:

— Царствие вам небесное. Умирать лучше на Родине, вы уж поторопитесь. Не стоит омрачать отдых наших туристов за границей.

— А вот и не умру, — зло выкрикнула Вострикова и повернулась к нам спиной.

В купе воцарилась гнетущая тишина. Нарушил ее Фатюшин:

— Я, пожалуй, пойду, — он попятился назад, бормоча себе под нос: — Что мои проблемы? Ничто! В сравнении с их проблемами.

Следом за Фатюшиным испарилась Алла. Должно быть, побежала к своему Толюсику. Алина вновь вскарабкалась на верхнюю полку. Я заняла свое место и закрыла глаза.

«Скорей бы утро, — пожелала я, — и чтоб без Востриковой».

Глава 5

Чуда не произошло. Первым, кого я увидела в это утро, оказалась Вострикова, которая сидела напротив меня и бесцеремонно рассматривала меня спящую. Даже во сне от ее тяжелого взгляда мне стало не по себе, я раскрыла глаза и разочарованно

вздохнула — кошмар продолжался.

— Долго спите, через двадцать минут Чоп. Стоянка поезда пятнадцать минут, — предупредила она. — А вам еще надо похлопотать об инвалидной коляске для меня.

— Лидия, не помню, как вас по батюшке, — начала я.

— Митрофановна я.

— Лидия Митрофановна, а вы на ноги пытались встать? Вам же удалось сесть, может, вам только показалось, что у вас ноги парализованы?

— Типун вам на язык. С ногами у меня все в порядке! Я могу ходить.

— Зачем тогда вам инвалидная коляска? — опешила я, впервые видя перед собой человека, который при здоровых ногах мечтал об инвалидной коляске.

— Вы мне повредили спину, я не могу долго ходить с травмированной спиной. И уж точно не могу переносить тяжести, так что вам придется позаботиться о моем чемодане.

— Только не это, — пробормотала я, посмотрев под полку, из-под которой выглядывало пузатое чудовище, не поместившееся в рундуке.

— Алина, вставай, — в сердцах крикнула я.

Как моя подруга не поторапливала наших туристов, все равно мы выехали из Чопа позже Калюжного. Тому было три причины. Во-первых,

состав нашей группы был на десять человек больше группы Калюжного. Во-вторых, наши туристы ехали в разных вагонах, следовательно, чтобы всех собрать, понадобилось больше времени. И, в-третьих, мы не дождалась одного пассажира. Женщина, Ирина Редькина, вдруг передумала ехать в Венгрию, и, не предупредив ни меня, ни Алину, сошла на станции Львов. Прождали мы ее минут двадцать, не меньше. И только после вопроса «Кого ждем, товарищи?», и нашего ответа «Ирину Редькину» ее соседка по купе вспомнила:

— Так она во Львове сошла. Собрала свои вещи и вышла.

— Как так вышла? Львов мы ночью проезжали.

— А вот так и вышла. Сказала: «Не поеду я с вами».

— А вы не спросили, почему?

— Да кто ж ночью спрашивать будет? — удивилась соседка. — Я спала уже. Она меня растолкала, попросила подняться, чтобы чемодан снизу достать. Я спросонья поднялась. Она взяла свои вещи и шмыг за дверь. Все!

— Поехали уже! Передумала, и скатертью дорога, — зашумела толпа. — Меньше народа, больше кислорода! Поторопимся, товарищи, а то границу затопит.

— Алина, надо выяснить, куда делась

Редькина, — зашептала я в ухо Алине.

— Выясним, обязательно, когда она придет в «Пилигрим» требовать свои деньги назад. Поехали, толпа ропщет. Калюжный уже минут двадцать назад уехал. Не ровен час, попадем в пересменку. Тогда на границе стоять долго придется.

— Алина, так нельзя. Ты хоть помнишь, какая она, Ирина Редькина?

— Помню. Фигуристая дамочка, брюнетка со стервозным лицом. У таких семь пятниц на неделе. То они едут, то не едут. Поехали. У нас есть свидетели, которые слышали, как она сказала: «Я никуда не еду», а потом сошла во Львове.

— Поехали, — обречено сказала я и направилась в сторону автобусной стоянки.

Наше путешествие с самого начала не заладилось. Вчера изрядно подпортила нервы Вострикова. Сегодня новая напасть: еще не пересекли границу, а уже одного туриста потеряли.

«Впрочем, лучше пусть кто-то здесь передумает, чем там останется, — подумала я, всматриваясь в лица туристов. — Кто еще может нам свинью подложить? Мамочки с детьми? Надо будет им втолковать, чтобы со своих детишек глаз не спускали. Семейные парочки? Тоже есть риск, что будут проявлять излишнюю самостоятельность. Попковы? Понять бы, зачем им сдалась Венгрия. Вострикова? Господи, паси и сохрани!»

Со странным ощущением надвигающейся беды я подошла к автобусу.

— Пожалуйста, прежде чем поставить в багажное отделение чемоданы и сумки, достаньте из них документы и необходимые в дороге вещи. На границе воспользоваться вашим багажом вы не сможете. Багажное отделение будет открыто только для таможенного осмотра, — предупредила я.

Практически все туристы держали документы при себе. Через пять минут багажное отделение было битком набито сумками и чемоданами.

— А теперь прошу в автобус. Рассаживайтесь, кто как хочет. Единственная просьба — не занимать первый ряд. Это места для руководителей группы и экскурсовода, который к нам присоединится в Будапеште.

— Значит, одно место все-таки свободно? — спросила Вострикова. — Вас с экскурсоводом трое. Четвертое место займу я.

— Но... — Алина судорожно искала причину, почему Лидии Митрофановне нельзя сидеть на первом ряду. Ничего в голову, как назло, не приходило. Одно место действительно было свободно.

— Я инвалид, мне тяжело передвигаться по салону. Кстати, где мой чемодан?

— Он уже в багажном отделении. Я его поставила одним из первых, — сказала я, уже

догадываясь, что за этим последует.

— Достаньте его, мой загранпаспорт во внутреннем кармане, — потребовала Лидия Митрофановна.

— Я ее утоплю в Дунае, — зашипела Алина, ища глазами где-то там, в глубине чрева багажного отделения, чемодан Лидии Митрофановны.

Когда мы подъехали к контрольно-пропускному пункту границы, автобуса Калюжного уже не было и в помине.

— Ну вот, опоздали, — пробурчала Алина. — Я так надеялась, что они попадут на пересменку.

— Зря надеялась, — ответила я. — Они проскочили, а вот мы...

Час нам пришлось прождать. Мы стояли на границе, и никому до нас не было дела. Зато потом, когда за нашим автобусом скопилась очередь длиной в километр, в автобус вбежал потный пограничник.

— Всем предъявить паспорта.

Не вглядываясь в лица и фотографии, он собрал у всех документы и направился к выходу.

Вострикова заволновалась:

— Куда вы несете мой паспорт? Немедленно верните. Документы — частная собственность, разве вы не знаете?

Пограничник удивленно посмотрел на нее.

Со всех сторон на Лидию Митрофановну

зашикали туристы:

— Он вернет. Он только штамп поставит. Не надо его злить, а то еще час простоем.

Вострикова притихла, но так посмотрела на пограничника, что он тут же достал из кармана устройство с печатью и начал при нас штамповать паспорта.

Таможенный контроль мы вообще прошли без хлопот. Водитель открыл багажное отделение. Юркий спаниель попрыгал по чемоданам, принялся к сумкам, но голоса не подал.

— Таможня дает добро, — кто-то сказал в автобусе. — Сейчас поедем.

Венгерскую границу мы пересекли без проблем. Я вздохнула с облегчением, надеясь, что наши неприятности на этом закончились. Если бы!

Первым пунктом нашей туристической программы было купание туристов в термическом источнике города Мишкольца. Тем, кто собирается в Венгрию, настоятельно советую посетить эту достопримечательность. В комплекс купальни входят бассейны, расположенные на открытом воздухе, бассейн в закрытом помещении, а так же система гротов созданная самой природой. В лабиринте переходов из одного грота в другой несложно заблудиться. Плывая в теплой, словно парное молоко, воде, попадаешь из одного подземного зала в другой. Водопады, струящиеся

по стенам ручейки, известковые узоры на сводах пещер — от всего этого дух захватывает. Ощущение чего-то сказочного и таинственного не покидает тебя ни на минуту. Удачная подсветка усиливает эффект — в гротах царит полумрак.

Автобус Калюжного стоял пустой на автостоянке. Водитель скучал на переднем пассажирском сидении.

— Давно ваши туристы купаются? — спросила у него Алина.

— Нет, минут двадцать как ушли.

— А где до того были? — удивилась я. Группа Калюжного пересекла границу на полтора часа раньше нас.

— В магазин заезжали, деньги меняли, — пояснил водитель.

— Так. Желающие! Все скоренько собираемся, — скомандовала Алина. — Опоздавших не ждем. Ни в бассейн, ни из бассейна.

Публика зашевелилась и дернулась к своим чемоданам, чтобы достать купальные принадлежности. Лидия Вострикова тоже сделала шаг вперед, но Алина остановила ее резким окликом:

— Нет, вам туда нельзя! Термальные воды обостряют болезни суставов. Вы же сами говорили, что у вас остеохондроз.

— Но я слышала, что как раз именно эти воды

полезны при ревматических болях и воспаленных суставах.

— Полезны, — кивнула Алина, — но только после десятого сеанса. Если хотите, оставайтесь здесь на десять дней, за отказ от путевки я могу вам вернуть половину суммы, а остальную сумму перечислю в счет оплаты за гостиницу.

— Нет, — не купилась на Алинино предложение Вострикова. — Я поеду с вами. А сейчас подожду вас в автобусе.

Окунувшись в теплые воды источника, все забыли о времени. Группа наша расплылась по лабиринту. Поплыли и мы. В одном из гротов встретили Калюжного, раскланялись. Потом на глаза попался Кузьма Курков и дама, которую Алина сравнила с Мирей Матье, кажется, она представлялась Вероникой. Откуда-то из бокового водяного коридора выплыл Профессор. Короче, сплошь и рядом плавали знакомые лица. Мы с Алиной буквально блаженствовали. Во-первых, как здорово после дороги окунуться в теплую воду, а во-вторых, с нами не было Востриковой!

Вдруг общую идиллию нарушил истерический крик, эхом отозвавшийся в системе подземных гротов. Мы с Алиной бросились в соседний зал. Посреди зала стояла Алла Трофимова. Рядом с ней истекал кровью ее муж, Толюсик. Капли крови падали со лба прямо в воду,

окрашивая ее в ярко-алый цвет. Тут же находились Антон Левицкий — он пытался оказать первую медицинскую помощь пострадавшему — и Попковы, мать и дочь. Валентина молча, в растерянности, смотрела на Толюсика, а Люба пыталась что-то объяснить Алле.

— Что случилось? — подскочила к группе туристов Алина.

— Травма? Вам срочно нужно вылезти из воды и пройти в медпункт, — потребовала я.

— Не нужно в медпункт, — зартачился Трофимов. — Рана пустяковая. Спросите у Антона. Он подтвердит. Царапина.

— Вы что, ныряли? — спросила я. — Я ведь перед посещением всем зачитала правила поведения в купальне. Нырять здесь категорически запрещено!

— Да не нырял я, — смутился Толюсик.

— Это все она! — Алла показала на Валентину Попкову. — Подплыла сзади, схватила за ноги и дернула что есть силы. Толюсик упал на шершавую стену. Она еще хотела его утащить на дно. Он мог утонуть.

Алочка приврала. В купальне Мишкольца утонуть практически невозможно. Вся глубина в гротах и переходах метр с небольшим. Хотя, если постараться...

— Извините меня, — тихо сказала

Валентина. — Обозналась.

— Да не слушайте вы ее! — Люба стала на защиту матери. — Мама на дно бассейна уронила кольцо. Хотела достать, присела с головой. А тут он идет. Она случайно его за ноги схватила. Честное слово.

— А дергала зачем? — сурово спросила Алла.

— Ну, может, хотела опереться, чтобы подняться.

Более дурацкого объяснения мне слышать не приходилось, но, похоже, Толюсик совсем не держал на Попкову зла.

— Сам виноват. Стал лицом к стене, чтобы рассмотреть. Хотел узнать, из чего она сделана? Натуральная или искусственная. Да не переживайте за меня. Лоб уже совсем не болит и кровь не течет.

— Но вам все равно лучше покинуть бассейн, чтобы в открытую рану не занести инфекцию.

Глава 6

На автобусной стоянке мы опять столкнулись с нашим главным конкурентом.

— Теперь куда? — спросила его Алина.

— В Будапешт. По ходу дела посетим один городок — не проезжать же мимо? — и прямо в гостиницу.

— А в какой гостинице вы остановитесь? —

полюбопытствовала я.

— Я забронировал номера в отеле «Геллерт», — с наигранным равнодушием просветил нас Калюжный.

Я присвистнула. Лицо Алины исказила мучительная гримаса. «Геллерт»! Самая старая и одновременно самая комфортабельная гостиница, расположенная в центре Буда, на набережной Дуная. В здании гостиницы имелись бассейны с лечебной термальной водой. За гостиницей в свое время были построены открытые террасы и бассейны, один из которых с искусственными волнами.

Наша гостиница находилась тоже в Буда, но по комфортабельности во многом уступала отелю «Геллерт». Алина заказала номера в самой обычной гостинице туристического класса. Теперь она кусала локти и злилась сама на себя.

— А вы в какой гостинице остановитесь? — в свою очередь спросил Калюжный.

Алина сделала вид, будто не расслышала вопрос.

— Отель «Вентура», слышали о таком? — с вызовом ответила я.

— Да. Кажется, три звезды. Не меньше? — Александр Максимович скривился в пренебрежительной улыбке. — В целом не самый плохой отельчик. Завтрак — шведский стол?

Желаю, чтобы в номере не было тараканов. И мой совет — не оставляйте в гостинице ценных вещей. Бывает, что в гостиницах подобного класса горничные поворовывают. Ну, бывайте, мои туристы уже собрались. На обратном пути свидимся, — пообещал Калюжный и впрыгнул в свой автобус.

— Ну, как тебе это нравится? — всю дорогу до Будапешта она не могла успокоиться. — А я-то думаю, почему у Калюжного такая публика собралась. Сплошные сливки нашего нового буржуазного общества. Сколько же они за путевочку Калюжному отвалили? Небось столько, сколько стоила бы поездка на Сейшелы. А почему на самолете не полетели? Понимаю, ложка экстрима в бочке комфорта. С одной стороны, из окна гостиницы — бушующий Дунай, с другой стороны — кадки с пальмами и теплый бассейн с искусственной волной. Ай, да Калюжный! Хапуга! Мы печемся о наших соотечественниках, чей достаток не столь велик, расширяем их кругозор, а он думает только о наживе.

В эту минуту Алина кривила душой. Она тоже думала о деньгах и переживала, что кто-то ее обошел. В принципе и она могла бы заказать номера в отеле «Геллерт», но... не догадалась.

— Алина, не злись, — сказала я, когда мне порядком надоело ее нытье. — Главное, не

поступаться принципами. Вспомни, мы работаем для всех слоев населения. Наверное, Калюжный месяц группу набирал, а мы собрались за неделю. Это он должен нам завидовать, не ты ему. Мы крикнули — к нам прибежали. Кто знает, может, завтра в твою голову придет идея, которая нас озолотит с головы до ног.

Мои слова запали в Алинину душу. Она примолкла и до самого Будапешта не проронила ни слова. Наверное, думала над тем, чем в следующий раз удивить народ и как увеличить рентабельность нашего агентства.

Два последующих дня прошли в экскурсиях по городу. Уровень воды в Дунае действительно значительно поднялся, но критическую отметку так и не превысил. Вода не вышла из гранитных берегов и не залила город.

Накануне третьего дня Алина объявила поездку в излучину Дуная.

— Вам предстоит увидеть уникальное зрелище: затопленные поля и деревни, людей передвигающихся по населенному пункту в лодках, ушедшие под воду первые этажи домов. Желающие есть?

Ответ наших туристов откровенно разочаровал Алину. Она ожидала увидеть лес рук, вместо этого откликнулось несколько человек, три мамы:

— Есть. Мы бы не поехали, да вот дети просят.

— А как же остальные? Экстрим! Такое наводнение один раз в сто лет бывает. Кто еще хочет пощекотать нервы?

Пощекотать нервы больше желающих не нашлось. На экскурсию записалось три матери, три ребенка.

— Негусто, — констатировала я. — Интересно, туристы Калюжного все экскурсии посещают?

— Сейчас позвоню. Может, объединим усилия, чтобы не гонять пустые автобусы?

Алина достала мобильную трубку и набрала номер Александра Максимовича. Говорила она с ним минут пять. С каждой минутой разговора ее лицо мрачнело все больше и больше. Нажав кнопку «отбой», она чертыхнулась:

— Черт, не понимаю, что происходит. У меня всегда были активные туристы, ни одной экскурсии не пропускали. Что на этот раз? Не группа, а сонные курицы.

— А как обстоят дела у Калюжного? Мы можем своих туристов пересадить в его автобус?

— Нет. У него все посещают экскурсии. Места в автобусе есть, но он против того, чтобы с его людьми кто-то еще катался. Он потому набрал небольшую группу, чтобы в автобусе было

комфортно: не душно и не тесно. Ну не гад? А как же в тесноте, да не в обиде? — спросила у меня Алина, затаив на Калюжного обиду.

— Алина, по-своему Александр Максимович прав. У него со своими туристами проблемы. Давай повесим ему еще и наших?

— Можно подумать, шесть человек сделают погоду? — не согласилась со мной Алина. — Больше не буду звонить Калюжному!

Калюжный позвонил сам. Был поздний вечер. Мы находились в номере, намереваясь в скором времени лечь спать.

— Марина Владимировна, — услышала я в телефонной трубке встревоженный голос Александра Максимовича.

— Я.

— Тут такое дело, — замялся Калюжный. — Не могли бы вы и Алина Николаевна ко мне приехать? Только срочно, — попросил он.

— Что-то случилось? — насторожилась я.

— Да, но по телефону я говорить не буду. Так вы приедете?

— Да, — я взглянула на Алину, которая с интересом прислушивалась к нашему разговору.

— Приезжайте скорее. Я вас буду ждать в холле гостиницы, — Калюжный положил трубку.

— Собирайся, — ответила я Алине на ее немой вопрос. — Едем в «Геллерт». Что-то

случилось, но что — Калюжный не сказал. Знаешь, у него был такой голос: как бы кто-то из его подопечных во что-то не вляпался.

Через несколько минут мы вышли из нашего отеля. Трамваи уже не ходили. Я пожалела, что мы не заказали такси у портье. Улица словно вымерла. Но вскоре нам повезло: из темноты вынырнул автомобиль. Алина отчаянно замахала рука и, не раздумывая, бросилась на проезжую часть дороги. Завизжали тормоза. Автомобиль остановился в полуметре от Алины.

Водитель опустил стекло, и что-то произнес по-венгерски. Я даже не прислушивалась к его словам. Венгерский язык не относится к группе славянских языков. Не имеет он общих корней ни с немецким языком, ни с французским. Как бы то ни было, а общий смысл сказанного я поняла. Глядя на Алину, водитель несколько раз постучал кулаком по лбу. Алину этот жест ничуть не смутил, она обежала автомобиль, открыла дверь и шлепнулась на пассажирское сидение. Потом, махнув мне рукой, крикнула в окошко:

— Садись быстрее, нас подвезут. — Посмотрев на водителя, она сказала: — Отель «Геллерт», плиз.

— «Геллерт», — кивнул головой водитель, очевидно, про себя решив, что спорить с дамочкой, которая бросается под колеса, себе дороже.

Калюжный нервно расхаживал по холлу гостиницы. Заметив нас в дверях, он кинулся навстречу.

— Наконец-то! — вскрикнул он. — Идемте.

Он повернулся к нам спиной и поспешил к лифтам, не сомневаясь в том, что мы побежим за ним. Я переглянулась с Алиной. Она взглядом показала на Калюжного и прибавила шаг, чтобы успеть за ним. Мы вошли в лифт. Александр Максимович нажал кнопку пятого этажа.

— Скажите, что произошло? — потребовала Алина.

Калюжный выглядел испуганным. Неестественная бледность покрывало лицо. Пальцы нервно ломали сигарету. Он то подносил сигарету ко рту, то опять начинал ее мять.

— Сейчас, сейчас, — пообещал он.

Выскочив на пятом этаже, он быстро пошел по коридору. Мы едва успевали за ним. Пройдя мимо трех номеров, он остановился перед четвертой дверью. Открыв дверь ключом, он пропустил нас в номер. Не буду описывать убранство номера, скажу только, что наш с Алиной номер был кельей монахинь по сравнению с этим.

На широкой кровати мы увидели женщину. Ее голова покоилась на подушке, поверх которой был расстелен разорванный полиэтиленовый пакет. На прозрачном полиэтилене хорошо были заметны

алые пятна крови. Женщина не подавала признаков жизни.

— Что с ней? — вырвалось у меня.

— Посоветуйте, как мне быть, — взмолился Калюжный, схватившись за голову.

— Это вы ее так? — испуганно спросила Алина.

— Господь с вами! Это Валерия Воропаева. Из моей группы, — отрывисто отвечал Александр Максимович. — Такой человек! Три ювелирных салона. У меня в группе, между прочим, все такие. VIP-персоны. Им огласка не нужна! Что делать — ума не приложу.

— Для начала, Александр Максимович, давайте успокоимся, — предложила я. — Женщина жива?

— Жива, жива, — активно закивал головой Калюжный.

— Жива, — подтвердила Алина. Она не побоялась подойти к женщине и коснуться ее запястья. — Пульс есть. Мой совет: надо вызвать «скорую помощь».

— Не надо! Как я объясню произошедшее? Врачи вызовут полицию. Группу арестуют, а у меня в группе сплошные VIP-персоны, — повторился Калюжный.

— Но ей необходима медицинская помощь.

— Знаю, но у меня в группе нет врачей. В

основном бизнесмены, два депутата, и три ..., — он на полуслове прикусил язык, — короче, нет врачей. Может, кто из ваших сможет оказать медицинскую помощь?

— Не знаю, — я на секунду задумалась. — Разве что Левицкий? Только он стоматолог.

— Какая разница? — оживилась Алина. — Голова — она и есть голова.

— А он, ваш Левицкий — надежный человек? Болтать не будет?

— А у вас есть выбор? — спросила Алина.

— Наверное, нет. Звоните, пусть едет.

Я сняла телефонную трубку и набрала номер телефона Антона. Разговор был очень коротким. Я сказала, что один человек срочно нуждается в медицинской помощи, и не мог бы он, Антон, приехать в гостиницу «Геллерт», по пути заскочить в аптеку и купить все, что нужно для перевязки. Левицкий без вопросов согласился. За это я ему была весьма благодарна.

— Антон скоро будет, — сообщила я Алине и Калюжному.

— Минут двадцать пройдет, — сказала Алина, вглядываясь в лицо пострадавшей. — Александр Максимович, может, теперь вы объясните, что произошло? Как дама оказалась в вашем номере, да еще в таком состоянии.

— Это не мой номер. Мой через стенку.

— Как же вы ее нашли?

— Как нашел? Как здесь оказался? Могу объяснить. На завтра у нас запланирована экскурсия. Я сидел в своем номере, обзванивал всех туристов, чтобы никто не забыл, что на десять утра у нас назначен выезд. К Валерии я не смог дозвониться. Сначала она купалась. Я отчетливо слышал за стенкой шум воды. Потом воду выключили, я еще раз набрал номер Валерии, но она опять трубку не взяла. Я подумал, что у телефона слишком слабый звуковой сигнал, решил постучать в дверь. Вышел в коридор и стукнул в дверь. Дверь приоткрылась. Я пару раз крикнул в щель: «Валерия, вы в номере?». Она не отозвалась. Мне пришло в голову, что она ушла, а дверь забыла запереть. Что делать? Решил написать записку, положить ее на кровати, а потом найти горничную, чтобы та заперла номер. Я зашел в номер и увидел Валерию. Она лежала в прихожей на полу в луже крови. Я очень испугался. Ее кто-то ударил по голове, — шепотом сказал Калюжный, как будто кроме нас троих и Воропаевой в номере еще кто-то мог быть. — Бывает, что люди падают в ванной на скользком полу, ударяются виском, затылком, зубы, наконец, выбивают. Но тут другое — рана на самой макушке. Валерию чем-то ударили. Я заглянул в ванную — там крови нет. Ее подстерегли на выходе из ванны. Как вы думаете, ее хотели убить? — в эту

минуту Калюжный напоминал испуганного мальчишку.

— Трудно сказать, — промямлила я. — Возможно, на Валерию напал гостиничный вор.

— Вор? Если на Валерию напал вор, то вы просто обязаны были поставить в известность администрацию гостиницы, — сказал Алина, ухватившись за мое предположение. — И уж тем более ни в коем случае не переносить пострадавшую на постель и не вытирать кровь в прихожей.

— Ну что вы! Как я мог оставить Валерию на полу? Такую женщину? Да она бы меня по судам затаскала, узнав, что я оставил ее лежать на голом полу.

— Допустим, и все же кровь в прихожей вы поторопились смыть. Вместе с кровью вы, Александр Максимович, могли уничтожить улики. Например, отпечатки обуви преступника.

— Не было здесь никаких следов. Я все внимательно осмотрел, — отрезал Калюжный. — А кровь я смыл, потому, что знаю, как придирчиво относятся в гостиницах такого класса, как «Геллерт», к нашим туристам. Выпустить-то выпустят, но в следующий раз о брони можно будет забыть, не захотят с нами связываться.

— А кроме лежащей в луже крови Валерии вы что-нибудь еще подозрительное заметили?

Например, был в комнате беспорядок, вещи разбросанные, сумки выпотрошенные, — я обвела взглядом номер.

Чисто, аккуратно. Но ведь и Александр Максимович мог здесь убраться. Вытер же он в прихожей полы!

— Как сейчас видите, так все и было, — отрицательно покачал головой Калюжный. — Я ни к чему не прикасался. Только ключи со столика взял, чтобы закрыть дверь.

— Да, нехорошо получилось, — протянула Алина. — Почти перед самым отъездом. Интересно, что скажет Валерия, когда в себя придет?

— Алина, Антон, наверное, уже внизу. Пожалуйста, сходи за ним, — попросила я Алину.

— Что же делать, что делать? — заметался Калюжный, как только за Алиной закрылась дверь.

— Все будет в порядке, — попыталась я его успокоить. — Сейчас придет Антон. Осмотрит Валерию, сделает ей перевязку. Она поправится, не сомневайтесь.

— Поправится, — кивнул Калюжный. — А вот поправлю ли я свои дела, еще вопрос.

— Не поняла. Никто не застрахован от нападения.

— Вот именно, не застрахован! А я гарантировал полную безопасность каждому члену группы. Сами видели, кто со мной поехал. Обычно

такая публика разъезжает по городу в бронированных машинах, телохранители над ними трясутся как над яйцом Кощея.

— Как же вам удалось заполучить таких туристов? — хмыкнула я.

— Правильная пиар-кампания, — поморщился Калюжный. — Какой же я дурак! — вдруг воскликнул он. Что-то страшное пришло ему в голову. Хотя, на мой взгляд, что может быть страшнее, чем найти человека, за которого ты несешь ответственность, в состоянии близком к смерти, именно так сейчас выглядела Воропаева — А если это не гостиничный вор, как вы предполагаете? Вдруг это — настоящее покушение на Валерию?

— Не знаю, Александр Максимович. Что значит настоящее покушение?

Калюжный сделал вид, будто не услышал моего вопроса.

Я еще раз посмотрела на Воропаеву. Кому она перешла дорогу? Ну и что, что она владеет несколькими ювелирными салонами? По нынешним временам это так — средний бизнес, торговка золотом, не более. Вот если бы на ее месте был, к примеру, Курков тогда можно было бы говорить о настоящем покушении.

— Не думаю, — высказала я свои мысли вслух. — Скорей всего она встретилась с

гостиничным вором. Но вам, Александр Максимович, следует всерьез побеспокоиться о безопасности членов вашей группы.

— Вот именно! Как мне остальных уберечь? — с готовностью отозвался мой собеседник, несколько успокоенный моим ответом.

— Надо предупредить туристов. Кстати, может, вы видели подозрительных людей, которые бы бесцельно ходили по гостиничным коридорам?

Калюжный отпрянул и жестко на меня посмотрел.

— Кажется, я что-то вспомнил! Последнее время мне на глаза стали попадаться две странные особы. С виду самые настоящие деревенские тетки.

— Что за тетки? — заинтересованно спросила я.

— А я их с вами видел.

— Со мной? — удивилась я.

— Да, они члены вашей группы, — с нехорошим нажимом сказал Калюжный.

Я опешила.

— Кто это? Опишите мне их, пожалуйста.

— Одна в возрасте, другая помоложе. Обе плотной комплекции. Что еще могу добавить? Не красавицы.

— Попковы, Валентина и Любовь, мать и дочь, — выдохнула я. Под описание Калюжного подходили только они. Мне сразу припомнился

инцидент, произошедший в поезде. Они уже тогда отирались вокруг группы Александра Максимовича, кого-то высматривали или выслеживали.

— Я не знаю их фамилий. Только все последние дни я с ними сталкивался — то в бассейне, то в городе.

Точно, все дни нашего пребывания в Венгрии я их видела только утром на завтрак. На экскурсии они не были ни на одной. Где пропадали целыми днями, я не знала.

— Они следили за Воропаевой?

— Не уверен, — ответил Калюжный. — С таким же успехом они могли следить за кем-то другим. А что вы можете сказать об этих дамах?

— Что? — его вопрос застал меня врасплох. — Они действительно странные.

— Позвольте, — решил выразить мне свои претензии Александр Михайлович, — а почему вы не следите за своими туристами? Вот где, например, сегодня вечером были ваши Попковы?

— Я у них обязательно об этом спрошу, — пообещала я.

Раздался осторожный стук в дверь. Калюжный открыл дверь и пропустил в номер Алину и Антона Левицкого.

— Где пострадавшая? — спросил Антон, заглядывая в комнату.

Осмотрев Валерию, Левицкий молча потянулся к пакету, с которым пришел.

— Что скажите, Антон? — полюбопытствовала Алина.

— Череп не проломлен, хотя шандарахнули ее прилично. Рассечена кожа головы, но это нестрашно, пара швов, и заживет, простите за выражение, как на собаке. А вот сотрясение мозга у нее наверняка есть. Обморок глубокий. Она давно без сознания?

— Давно, — ответил Калюжный. — А вы ее можете привести в чувства?

— Сейчас попробую, — он вытянул из пакета флакон с прозрачной жидкостью.

— Что это?

— Нашатырный спирт. Извините, сейчас в нос ударит неприятный запах, — Антон вскрыл флакон и поднес его к носу Валерии.

Женщина застонала и открыла глаза.

— Вы меня видите? — спросил Антон, наклоняясь над Валерией.

Она кивнула головой и тут же поморщилась от боли.

— Голова болит? — поинтересовался Левицкий.

— Ужасно. Любое движение отдается болью в голове. А вы кто?

— Я врач. Меня зовут Антон.

— А кто эти люди? — она посмотрела на меня и Алину. — Что со мной случилось? Я ничего не помню, — запаниковала Воропаева. — Почему в моем номере так много людей?

К кровати подошел Калюжный.

— Успокойтесь, Валерия. Вы живы, и это главное.

— Александр Максимович? И вы здесь. Кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

— А вы сами ничего не помните? — спросила я.

— Я пошла в душ, — стала припоминать Валерия. — А потом, потом...

— Вы были в номере одна? — пришла ей на помощь Алина.

— Да. Я собиралась лечь спать. А почему у меня так болит голова? Что это? — она коснулась рукой волос, почувствовала на кончиках пальцев влагу, поднесла руку к глазам и ужаснулась. — Это кровь?!

— Да, у вас на голове рана, — просветил ее Антон.

— Но откуда? Я упала?

Калюжный отрицательно покачал головой.

— Вас ударили по голове.

— Кто меня ударил?

— Мы рассчитывали, что вы видели человека, напавшего на вас.

— Я никого не видела, — в голосе Валерии отчетливо слышался испуг. — Мне страшно, — призналась она. — Что мне теперь делать?

— Для начала я бы отправил вас в больницу, — ответил Антон.

— Нет, я хочу домой, — мотнула головой Воропаева.

— И, правда, зачем ехать в венгерскую больницу, если скоро мы будем дома? — вмешался в разговор Александр Максимович. — Наши врачи всегда считались лучшими. Взять, к примеру, Антона. Мигом осмотрел, поставил диагноз. Сразу видно, специалист.

— Мне приятно слышать ваши лестные отзывы о моей работе, но Валерии элементарно надо наложить швы. Не поедет же она домой с дыркой в голове?

— А вы наложить швы не можете?

— Я? Чем? Швейной иглой?

— А разве... Позвольте, я сам видел, как Рэмбо себя штопал.

— Я не Рэмбо, — обиделась на Калюжного Валерия. — Антон, а много мне надо... этих... швов?

— Можно, конечно, и одним обойтись, но лучше все же двумя кожу стянуть.

— Тогда везите меня в больницу, — решительно заявила Валерия. — Вы, Антон,

поедете со мной. Вы мне внушаете доверие, — она улыбнулась Левицкому и бросила пренебрежительный взгляд на Калюжного, сравнившего ее с солдатом вьетнамско-американской кампании.

— Еще один вопрос, Валерия, — попросила Алина. — Пожалуйста, оглянитесь вокруг себя. Все ли на месте?

— Вроде бы все, — медленно вращая по сторонам головой, ответила Валерия. — Будьте добры подать мне дамскую сумочку. — Антон передал сумочку хозяйке. Она заглянула внутрь и удовлетворенно вздохнула. — Паспорт и деньги на месте.

— Ну и ладненько, а теперь поехали в больницу, — поторопил ее Антон.

Глава 7

Калюжный сумел уговорить Воропаеву не поднимать шумиху и обойтись без вмешательства полиции и администрации отеля. После того как Антон сказал, что жизнь Валерии вне опасности, Александр Максимович совсем успокоился и стал говорить, будто нападение — нелепая случайность, мол, в номер забрался воришка в надежде на легкую наживу. Вор думал, что в номере никого нет, а когда увидел Валерию, испугался и удрал,

успев шмякнуть нежелательную свидетельницу по голове.

Александр Максимович убедил Валерию в том, что вызов полиции может навредить репутации туристического агентства, ведь в какой-то мере и он, Калюжный, несет ответственность за безопасность туристов. Валерия нехотя с ним согласилась и пожалела. Меня же аргументы Калюжного совсем не убедили. Они показались мне надуманными и опасными.

Гостиничный вор — первое, что приходит на ум. Скорей всего так и было: Воропаева вышла из душа, а за секунду до этого в номер зашел некто, кто решил обокрасть постоялицу. Но ведь могло быть и по-другому.

«А если этот человек не собирался грабить? Если Валерия столкнулась не с вором, а с маньяком, который имеет ключи от номеров и ночью гуляет по этажам? — я ужаснулась мысли, забредшей в мою голову. — Кто станет следующей жертвой? Вопрос. Или вдруг Воропаеву спутали с кем-то из ее же группы? Например, ошиблись комнатой».

— Александр Максимович, а кто живет в соседнем номере?

— Я.

— Нет, с другой стороны.

— Муромский Василий Петрович, тоже из

наших. А почему вы спрашиваете?

— Я считаю, что надо предупредить всех членов вашей группы. Надо рассказать о несчастье, случившемся с Воропаевой, и посоветовать закрыть дверь не только на замок, но и на задвижку.

— А как вы себе это представляете? Сейчас уже пятнадцать минут первого. Многие уже спят.

— Тем не менее предупредить надо, — упрямо заявила я. — У вас есть список номеров? Пойдем по коридору. Если из-под двери пробивается свет, постучим. Если нет, пройдем мимо. Начать надо с Муромского.

— Сдался вам этот Муромский, — вздохнул Калюжный. — Не велика птица, его вообще можно предупредить последним.

Как тихо Александр Максимович ни обронил последнюю фразу, а мы с Алиной все же ее слышали.

— А разве вы не несете в равной степени ответственность за каждого из туристов? — спросила Алина. — Почему такое пренебрежительное отношение к Муромскому?

— Вы меня неправильно поняли, — замялся Калюжный. — Я хотел сказать, что Василий очень осторожный товарищ, он абы кому дверь не откроет. Вчера я к нему постучал, хотел разжиться сигаретами. Он мне из-за двери форменный допрос учинил. Что нужно? Один ли я? Смогу ли потерпеть

до утра?

— Возможно, он был не один, — предположила Алина.

— В том-то и дело, что один. Мне он потом все-таки открыл дверь. Один он был в номере.

— А кем работает ваш Муромский? Может, это профессиональная осторожность?

— В анкете написал, что пенсионер, — хмыкнул Калюжный. — Думаю, в прошлом он военный. Офицеры рано на пенсию выходят, и пенсии у них хорошие. Обычным пенсионерам путевки агентства «Омега-тур» не по карману.

— Еще бы! Путёвочки у вас, Александр Максимович, золотые, — с ехидцей сказала Алина.

— Не будем обсуждать этот вопрос, — одернула я Алину. — Идемте, еще немного, и будет неприлично стучаться в номера постояльцев.

— По-моему, уже неприлично, — пробурчал Калюжный. — Половина из них спит крепким сном.

Мы подошли к двери соседнего номера. Через щель пробивался тонкий лучик света, доносились тихие голоса.

— Не спит, — обрадовалась Алина и несколько раз стукнула по двери.

— Спит под телевизор, — определила я. Муромский и не собирался подходить к двери.

— Еще раз постучать?

— Не стоит, — ответил Калюжный. — Будьте

уверенны, он и так запер дверь на задвижку. И к двери из осторожности не подходит.

— Тогда пошли дальше, — предложила Алина. — Кто у нас по списку следующий?

— Курков Кузьма Егорович. Номер на этом этаже, с видом на Дунай. Ох, боюсь я к нему ломиться, — тяжело вздыхая, признался Калюжный. — Такого человека беспокоим, а вдруг зря?

— Хуже будет, если мы его не предупредим, а с ним что-нибудь случится, — предостерегла я.

— А вдруг он рассердится?

— Не переживайте, Александр Максимович. Разговаривать с Кузьмой Егоровичем буду я, — Алина смело занесла руку над дверью.

Через полминуты из номера выглянул господин Курков. Он предстал перед нами в спортивном костюме, в кроссовках, с махровым полотенцем в руках.

— Добрый вечер, — увидев перед собой живого миллионера, Алина засветилась от счастья. — Простите, что пришлось вас так поздно побеспокоить. Надеюсь, мы вас не разбудили?

— Нет, — улыбнулся в ответ Курков и вытер краем полотенца пот со лба. — Я только что вернулся с пробежки. Так хорошо пробежаться по набережной. Ночной Дунай — это нечто! Столько огней! А что же мы стоим в коридоре? Может, вы

пройдете в номер?

«А этот Курков милый и вежливый», — отметила я про себя.

— Да вот, Кузьма Егорович, тут дело вот в чем... — начал мямлить Калюжный.

— Кузьма Егорович, — Алина сделала шаг вперед, переступая порог номера. — Мы на одну секунду.

— Только? А я вас хотел угостить коньяком, — наигранно расстроился Курков.

— В другой раз, если пригласите, конечно, — состроила глазки Алина. Мне пришлось ее толкнуть в бок, чтобы она не забывала о деле. — Кузьма Егорович, — в миг посерьезнела моя подруга. — С вашей соотечественницей случилось несчастье.

— Нужны деньги? — разочарованно протянул он.

«Должно быть, у него часто их просят», — подумала я, заметив, как поскучнело лицо Куркова.

— Нет, деньги Валерии Воропаевой не нужны.

— А что с ней случилось, — насторожился Кузьма Егорович.

— На нее совершено нападение. Преступник проник в номер и нанес удар по голове.

— Она жива?

— Да, можно сказать, что с ней все в порядке. Поэтому убедительная к вам просьба, во избежание

подобных происшествий не открывайте посторонним людям дверь. Ночью закрывайте дверь на задвижку. И от ночных пробежек лучше вообще отказаться. В случае опасности звоните к Александру Максимовичу.

— Я вас понял.

— Спокойной ночи.

Курков поблагодарил нас за предостережение и запер дверь.

— Спокойной ночи, — передразнил нас Калюжный. — Сначала сообщить людям о том, что кто-то ходит по гостинице и стучит битой по голове, а потом пожелать им «спокойной ночи». Да половина из них вообще спать не ляжет.

— А почему вы решили, что Воропаеву стукнули по голове битой? — спросила я.

— Ну не битой, а дубинкой, молотком или чугунной статуэткой. Какая разница? Просто так я сказал. Откуда мне знать, чем ее тюкнули? Идемте дальше. Если мы так медленно будем ходить, только к утру всех обойдем.

В соседнем номере с Курковым номере жила дама, чья прическа была похожа на прическу Мирей Матье. Дамочка, распахнув перед нами дверь, предстала в махровом халате, но при этом со свежим макияжем, как будто вечер для нее не заканчивался, а только начинался. Увидев нас, она смутилась и спряталась за дверь.

«Кажется, она предполагала увидеть не нас», — усмехнулась я про себя, заметив на ее лице разочарование.

— Александр Максимович? Вы ведь уже звонили, я в курсе, выезжаем в десять, — выглядывая из-за двери, выразила свое неудовольствие женщина.

— Вероника Алексеевна, вы кого-то ждете? — спросил ее Калюжный.

— Неприлично задавать женщине подобные вопросы, — ответила Вероника и добавила, — тем более вам.

Калюжный закашлялся. Алина участливо похлопала его спине.

— Вероника Алексеевна, в целях своей же безопасности закройте дверь в номере и никому не открывайте, — сообщила я, прячущейся за дверью красотке.

— А вы из полиции нравов?

— Нет, на вашу подругу совершенно нападение.

— На Валерию Воропаеву, — уточнил Калюжный.

— Она не моя подруга, — фыркнула Вероника. — Тамбовская волчица ей подруга.

Дверь с треском захлопнулась.

— Странная реакция. Вам не кажется? — Алина посмотрела на Александра Максимовича. —

Даже не расспросила толком, что произошло с Валерией. Откуда такая антипатия?

— Видите ли, две дамы поскандалили.

— Из-за чего?

— Из-за кого, — поправил Калюжный, оглядываясь на номер Кузьмы Егоровича. — Из-за Куркова. Вероника положила глаз на него, а тот стал заглядываться на Валерию. Вероника высказала Воропаевой все, что о ней думает. Был скандал. Обе совершенно не стеснялись в выражениях. Еще и мне досталось.

— А вы-то тут при чем?

— Случайно попал под горячую руку, — вздохнул Калюжный, уводя нас от номера Вероники.

— Дальше куда? Кто еще живет на этом этаже?

— Никита Федоскин и Анфиса Сомова, — прочитал с листа Александр Максимович и повел нас в обратный конец коридора.

Ни с Никитой, ни с Анфисой нам не удалось поговорить. В номерах было темно и тихо. Для очистки совести мы тихонько постучали, но никто не открыл: то ли постояльцы уже давно спали, то ли в номерах их не было.

— Пойдем дальше? — без энтузиазма спросил Калюжный.

— Да, — утвердительно кивнула головой

Алина.

Мы опустились на этаж ниже. Из оставшихся двенадцати человек мы смогли предупредить только шестерых, остальные уже спали, беспокоить их мы не решились.

— Все?

— Нет, еще одна дама, — ответил Александр Максимович, ткнув пальцем в фамилию, которая значилась в списке последней и была написана от руки. — Ирина Ивановна Редькина.

— Кто? — не поверили мы своим ушам.

— Ирина Ивановна Редькина, — повторил Калюжный.

— Такая темненькая? С фигурой Элизабет Тейлор?

— А что, похожа — согласился он.

— Но она же была в нашей группе и сошла с поезда во Львове, — все еще сомневаясь в том, что мы говорим об одной и той же женщине, возразила Алина.

— Не сошла, а перешла в другой вагон. Я познакомился с Ириной Ивановной в вагоне-ресторане. Разговорились. Весьма приятная женщина. пожаловалась мне, что едет в Венгрию, хотела жить в центре Будапешта, а придется жить в трехзвездочном отеле на окраине. А у меня как раз одна клиентка отказалась от поездки за пятнадцать минут до отхода поезда. Я даже ее билет не смог в

кассу сдать. И номер уже был забронирован. Понятное дело, деньги отель не вернет. Вот я и предложил Ирине Ивановне, если она в средствах не ограничена, перейти в нашу группу. Она с радостью согласилась.

— Безобразие! Могла бы и нас поставить в известность. Мы полчаса прождали ее на вокзале. И вы, Александр Максимович, хороши! Клиентов перекупать! — разозлилась на Калюжного Алина. — Разве так поступают коллеги?

— Да я тут при чем? Я думал, Ирина Ивановна, сообщила вам о своем решении перейти в мою группу.

— Где ее номер? — агрессивно наступая, спросила Алина. — Сейчас я с ней разберусь! Ей мало не покажется!

— Алина, пожалуйста, потише, ты можешь разбудить постояльцев, — попросила я, опасаясь, что она и впрямь может учинить скандал.

— Я к этому и стремлюсь, — огрызнулась она и решительно направилась к номеру Редькиной.

Остановившись у двери, она громко забарабанила по ее деревянной поверхности.

Минуты через три мы услышали недовольный голос:

— Кто? Что случилось?

— Ирина Ивановна, — зашептал в замочную скважину Калюжный. После продолжительного

грохота его голос прозвучал словно насмешка. Уверена, что в соседних номерах уже никто не спал. — Откройте, пожалуйста. Мы на одну минуточку.

Редькина повернула ключ в замке и выставила в коридор голову. Без грима она совсем не была похожа на американскую кинозвезду. Самая обычная женщина, с морщинками вокруг глаз и увядающей кожей.

— Что случилось, Александр Максимович?

— Пожар и наводнение! — выпалила Алина, отодвигая Калюжного в сторону. — Что же получается, гражданочка? Самовольно переходим из одной группы в другую? А потом будем требовать деньги назад? И не надейтесь! Никакого возврата не будет! Разве что билетик на обратный путь вернем. Я несу убытки, волнуюсь, переживаю, а она развлекается в пятизвездочном отеле!

Некоторое время Ирина Ивановна не могла понять, кто эта женщина и почему она среди ночи на нее орет. Бедняжка перевела удивленный взгляд на Калюжного, но тот лишь пожал плечами, не решаясь перебить Алину.

— Совесть у вас есть, гражданка Редькина? Больше в наше туристическое агентство не обращайтесь!

— Ах, вот оно что! Вы из «Пилигрима»? — наконец Ирина Ивановна поняла, о каких деньгах

Алина ведет речь. — Я не буду требовать компенсацию. Вы это хотели услышать? А другого времени вы не нашли, чтобы выразить мне свои претензии? Который сейчас час?

— Час, — подсказал Александр Максимович.

— Час ночи, — уточнила Ирина Ивановна. — Обычно в это время люди спят, если у них, конечно, нет занятий поинтересней, — с зевком произнесла она и хотела было уже захлопнуть перед нами дверь, но Алина ее опередила, умудрившись вставить ногу в щель.

— Совершенно с вами согласна, — хмыкнула Алина. — Занятия бывают разные.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только лишь то, что кто-то спит, а кто-то ходит по пятизвездочной гостинице, вламывается в номера и бьет постояльцев по голове тяжелым предметом, — зловеще прошептала Алина.

— Вы уж запритесь, Ирина Ивановна, — посоветовал Калюжный. — Береженного бог бережет.

Алина убрала ногу и, обращаясь ко мне, сказала:

— Пойдем, Марина, спать хочется. Слава богу, в нашей гостинице нет никаких маньяков. Никто ни к кому не вламывается и не убивает.

— А что, убили кого-то? — испуганно спросила Ирина Ивановна.